

Анвар
Исмагилов

**ЛЮДИ
БЫЛОЙ ИМПЕРИИ**

Анвар Айдарович Исмагилов
Люди былой империи (сборник)
Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959508
Люди былой империи: Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907045-9-6

Аннотация

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших!

Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки.

Содержание

Черноморский флот. Стихи-прелюдия	5
От автора	8
От войны к миру и обратно	12
Сто лет комбригу Гончарову	14
Донузлав, или Музыкальная бербаза	32
Предисловие I	32
Предисловие II	36
Прелюдия	38
Воздушный бой над Евпаторией	39
Приплыли! Утонутие на бонах	43
Диссиденты	52
Циркуль Фиштейна	54
Лазаретная любовь	56
Рассказки и были	61
Гудаутские перепёлки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анвар Исмагилов

Люди былой империи

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших! Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки, не разучившийся по-детски удивляться, смеяться, плакать и ценить каждую секунду быстротекущей эпохи.

Автор выражает глубокую благодарность своим однокашникам и другим выпускникам Киевского высшего военно-морского политического училища (КВВМПУ), которые финансово поддержали издание этой книги.

Черноморский флот. Стихи-прелюдия

Что думал я, двадцатилетний мальчик,
По палубам прогарами ступая,
В угрюмой башне главного калибра,
В песчано-пляжной ссыльной тишине?
Мне мир твердил: литература – дура,
Штык молодец, а партия прекрасна,
А мы любили девушек и сласти,
Не признаваясь в этом никому!
А я любил смотреть в глаза восходу,
И провожать пустынные закаты,
Пылавшие торжественною гаммой
Над амальгамой моря.

Так прошло
Двенадцать лун неласковых. Ко мне
Слетались письма братьев и подружек,
По вечерам цыган Гарсиа Лорка
Рассказывал дремучие легенды,
А Саша-доктор поливал цветы,
Пыхтя неутомимой сигареткой.
«Свобода» нам своё твердила тайно,
И Мастер уходил в прохладный путь,
А мы всё не могли наговориться
Ни о любви, ни о священном даре.

Всё это было Черноморский флот.

Свистел буксир, качался толстый тральщик,
Грустил противолодочный корабль,
Привязанный кормой к причальной стенке,
И рвался в море сквозь глухие льды!
А я стрелял ворон из пулемёта,
На удочку ловил голодных чаек, —
Не зная, что накликаю беду, —
Ходил по бонам, аки по земле,
Ворочал цепи, бакены и вехи
И было далеко «до рідной хати,
Як до того Кітая». Плыл туман
По северным берегам златой Тавриды,
Портвейн одноимённый обжигал
Нам молодые розовые глотки
(терпеть мы не могли дешёвой водки!).
Отряды уходили в Бангладеш,
Анголу, Югославию, а дома
Гремели якорями и оркестрами.

Всё это было Черноморский флот.

Крутило катаклизмами планету,
Два мира бились в лоб, рога в рога,
Бродили грозно атомные лодки
С гостинцами от их стола к другому.
Бомбардировщики рычали в облаках,
Суля любому в дом по Хиросиме.
И в небе таял лёд на керосине.

А в городе Ростове-на-Дону
Грустили одинокие солдатки,
Плясали в кабаках винтом матроски,
Студентки демонстрировали верность
На демонстрациях с плакатами в руках,

И дома первомайское житье:
Газеты утром, на ночь телевизор,
Кефирно-бубличный строительный обед,
Позорные пайки от профсоюза,
Истошный коммунальный хор соседок,
Повально изнывающих от крови
И жаждущих грузинистых партнёров,
Конечно же, с сортиром постоянным, —
Но скудно спящих с мужем полупьяным.
И это было русское житье!

Прошло сто лет.
Нет, двести или триста,
И я пришёл, вернулся, возвратился,
Без трёх зубов и с дыркой в голове,
Усталый от тревог, стрельбы, и мата.
В прохладных сумерках кап-лей военкомата
Спросил: какие планы на житье?
Я растерялся – жить, учиться, деток

Растить, когда появятся они
В положенные по природе дни.
Кап-лей вздохнул – у нас есть разрядка,
Нет-нет, я просто так, ради порядка
На мичманов учиться, а потом...

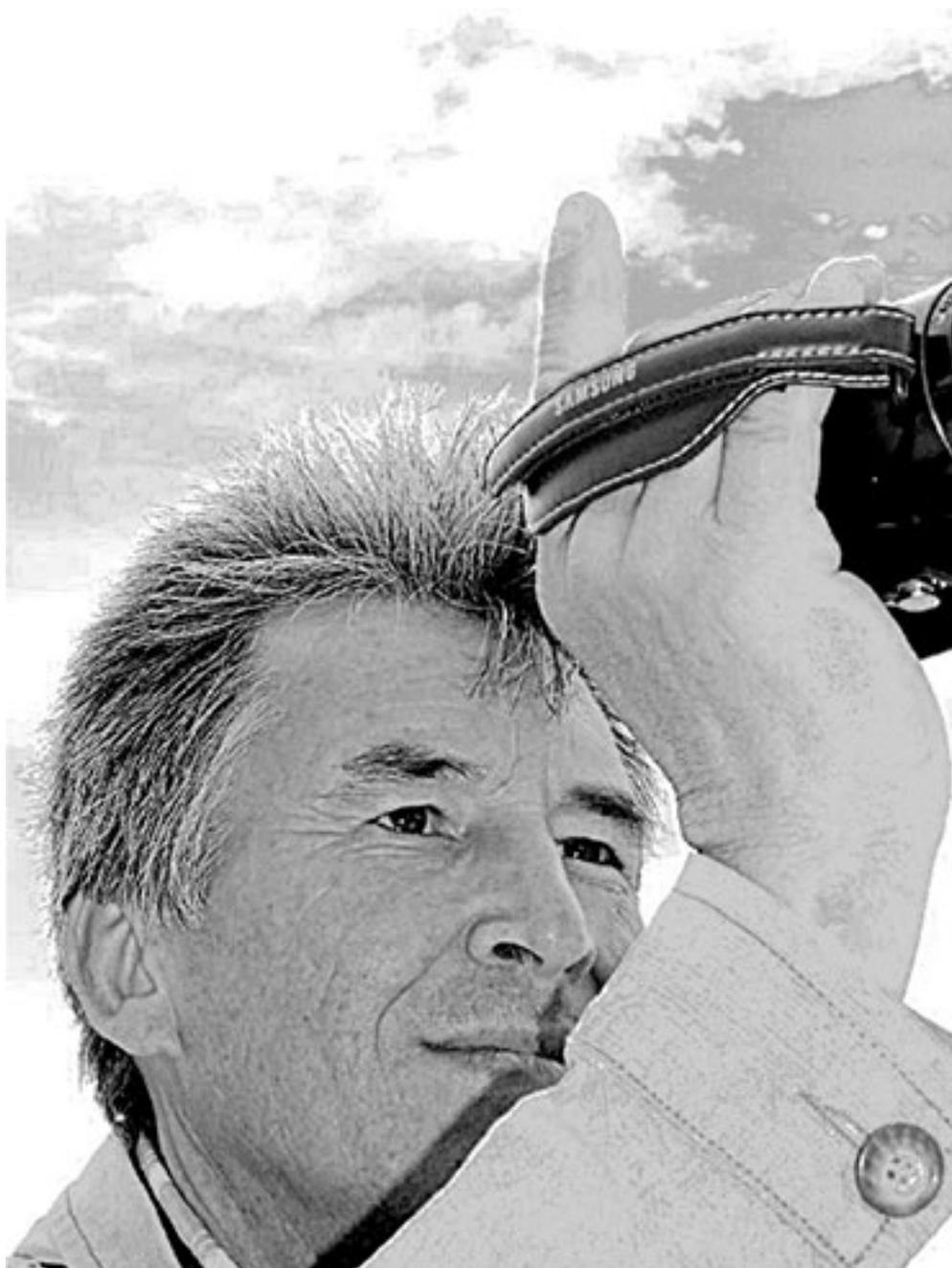
И я ответил – суп с котом! Вот хрен вам,
Я жить хочу, чтоб, как сказал поэт,
Страдать и мыслить ну хоть тридцать лет.
А ваших сказок о судьбе державы
Наслушался!
Меня здесь больше нет,

Я выжил, вышел в дверь, в расход, в бутылку,
На волю, в космос, в серебро астрала,
Пока мне крылья льдом не оборвало!

От гор и моря длится мой полёт.
Но где он, гордый Черноморский флот?..

От автора

Путешествие по глобусу России – главный источник вдохновения для человека, здесь живущего. Придумали же во Львове нарисовать глобус города и даже начали его делать, да по божьей привычке быстро остыли и забросили проект. Так то – всего лишь город Львов, – при всем уважении к его древности и многоязычию. А я иду по глобусу России, моей святой и грешной земле, где ужасающие преступления перемешаны с величайшими подвигами духа, где сама природа будто прячется от тебя, чтобы вынырнуть где-нибудь из-за поворота невероятными осенними красками или весенней надеждой на новую жизнь.

Фото Е. Николаевой.

А вот и люди на пригорке! Старый альбом. То, что видел и сделал за свою жизнь даже один человек, не влезает в тяжёлые энциклопедические тома, в фотоплёнки, в электронные носители и в звуки записей диковинной речи и необъятной музыки, видеоряды старой хроники и семейные съёмки по принципу: вот мама с тобой на руках, тебе полгода, а это в сорок третьем, в эвакуации, голод был, но лучше, чем в Питере, и соседи подкармливали; а вот папа на третьем курсе, на практике, на Северном флоте, а вот папина лодка перед последним походом (вздых и насморочные звуки в сторону), в Североморске, а это дядя Лёва прыгает с парашютом на учениях перед Афганистаном, его потом контузило; а вот мы только что взяли дачу, строим наш домик, приехал помогать дедушка, у него руки не было, оторвало на войне, но он управляется и одной, тещет бревна...

Ах ты, мать Расея!!! Твою мать!!!

Перед тобой калейдоскопом рассыпаются и расстилаются летние травы, цветы и деревья, мокрые осенние просторы, зовущие идти всё дальше и дальше, заснеженные долины и овраги с цепочками тёмных следов неведомых путников, стрелчатые листья и золотые восклициания весеннего горицвета, голые простуженные ветки кустарников с чёрными пупырышками ещё робких первых почек, запах льда и мокрой земли...

Бессонные вагоны, пропахшие ресторанными шедеврами, домашней курицей и свежими огурцами, железистый привкус воды для чая из титана, вопли энергичных, как электровеники, детей, облитые потом мощные тела твоих соседей по купе, варёная картошка с жареным луком и пухлые домашние пирожки с кошатиной на бесконечных, как китайская пытка водой, остановках и стоянках, пьяные базары и драки, и разговоры, разговоры, разговоры...

А ты всё едешь, летишь и плывёшь по необозримым просторам Руси.

Целлулоидный блеск и металлический уют интерьеров аэровокзалов и аэропортов, бессонные голоса дикторов-небожителей с вездесущими звуками их странной речи с придыханиями и подвываниями, механический запах пищевого буфетного конвейера, разувание и раздевание перед вожделенными воротами магнитоскопа, дрожь в коленках перед взлётом и посадкой, толпы тёмных личностей, автоблагодетелей – «машинка нужна?» – с лицами из картотеки Шерлока Холмса...

Из окна десантного самолёта с пограничниками, упрямо ползущего от Кургана в сторону Ямала, видны степи, плавно переходящие в заснеженную подтайгу, редкие посёлки, деревни и села, хмуро стоящие на древних реках, ещё более редкие города, освещённые ярким не по-северному солнцем, и вспоминаешь, что в Тюмени инсоляция выше, чем в городе Сочи, прилепившемся к горным склонам. Могучая тайга сменяется гран-Финляндией: колки, озёрца, озёра, ослепляющие светом глаза, как нахальный мальчишка – отражателем домашнего зеркала.

Громадные разливы Иртыша, Малой и Большой Оби, мелководные соры, набитые ценнейшей, лучшей для меня рыбой в мире: шустрый сырок, вальжанный щёкур, младший брат благороднейшего МУКСУНА, покрытого драгоценным серебром чешуи – кто пробовал муксуна хотя бы раз, тот не забудет никогда! И, наконец, могучая, в расцвете сил похожая на мини-торпеду белорыбица-нельма, истекающая прозрачным, как горная вода, жиром! И редчайшая сосвинская селёдка, маленькая, получившая родовое название от реки Северная Сосьва с ледяной хрустальной водой. О всякой прочей рыбе: громадных щуках, горбатых карпах, жирнющих вездесущих карасях-лопатах и других сопутствующих товарах говорить не буду: для меня они проходные, на чёрный день.

Фото Е. Николаевой.

Историческая родина, громадная блатная столица Северного Кавказа, Ростов-на-Дону. Еду в Грозный, вновь поражаясь расстояниям, отмотанным за трое суток душной и потной дороги. Хрустально-сине-белый вокзал, мешанина стилей и течений архитектуры. При попытке найти путь вверх, чтобы дать телеграмму в Чечню, натываюсь на строгую дверь, над которой надпись «ЛИФТ», а чуть ниже, подбежав обрадовано, – табличку «Лифт не работает».

М-да-а-а... «Россия – страна, где нельзя верить надписям на дверях», – вспомнил я старинную истину из записных книжек какого-то писателя. Добавлю – а верить можно своим глазам, проверяя истину практикой. Перед вами, дорогой читатель – книга не стороннего наблюдателя, а исследователя пространства через путешествие. После похорон Гены Жукова, великого барда, и Миши Шелобнёва, друга из спецназа ВМФ, и ещё нескольких боевых друзей, я сам едва устоял на краю пропасти, и что-то подсказывает мне, что жить мне теперь надо в том числе и за них, ушедших и уходящих свидетелей прошлого, участников малых и больших событий, чьи молодость и зрелость прошли в непрерывной борьбе за выживание и окончились у кого гнилым забором, у кого особняком, а чаще всего – никак!

Снегоход на Ямале – царь и бог тундры! Люблю разные КРАЯ ЗЕМЛИ!!!

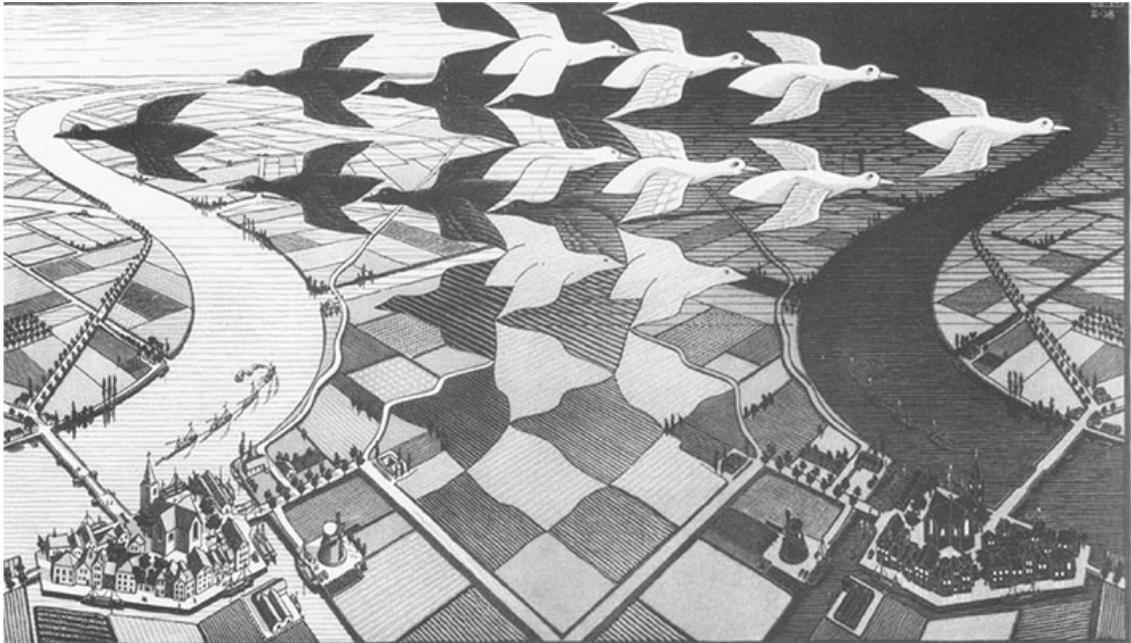
Родина высосала из нас молодые соки, наградила тяжёлыми недугами, а под конец – железяками, годными в игрушки внукам, – и забыла! **НО МЫ ещё ЖИВЫ!!!**

Книга «Люди былой империи» – не отчёт о проделанной работе, не просто сборник размышлений автора на основе боевого и житейского опыта людей нашей небывалой империи. Это признание того неоспоримого факта, что Российская империя, как бы её ни называли в прошлом, настоящем и будущем, – **БЕЗВОЗВРАТНО УШЛА В ИСТОРИЮ** и уже не повторится в том колоссальном, незыблемом и могучем виде, в каком привыкли её созерцать, кто с восхищением, кто со страхом, целые поколения людей всей планеты...

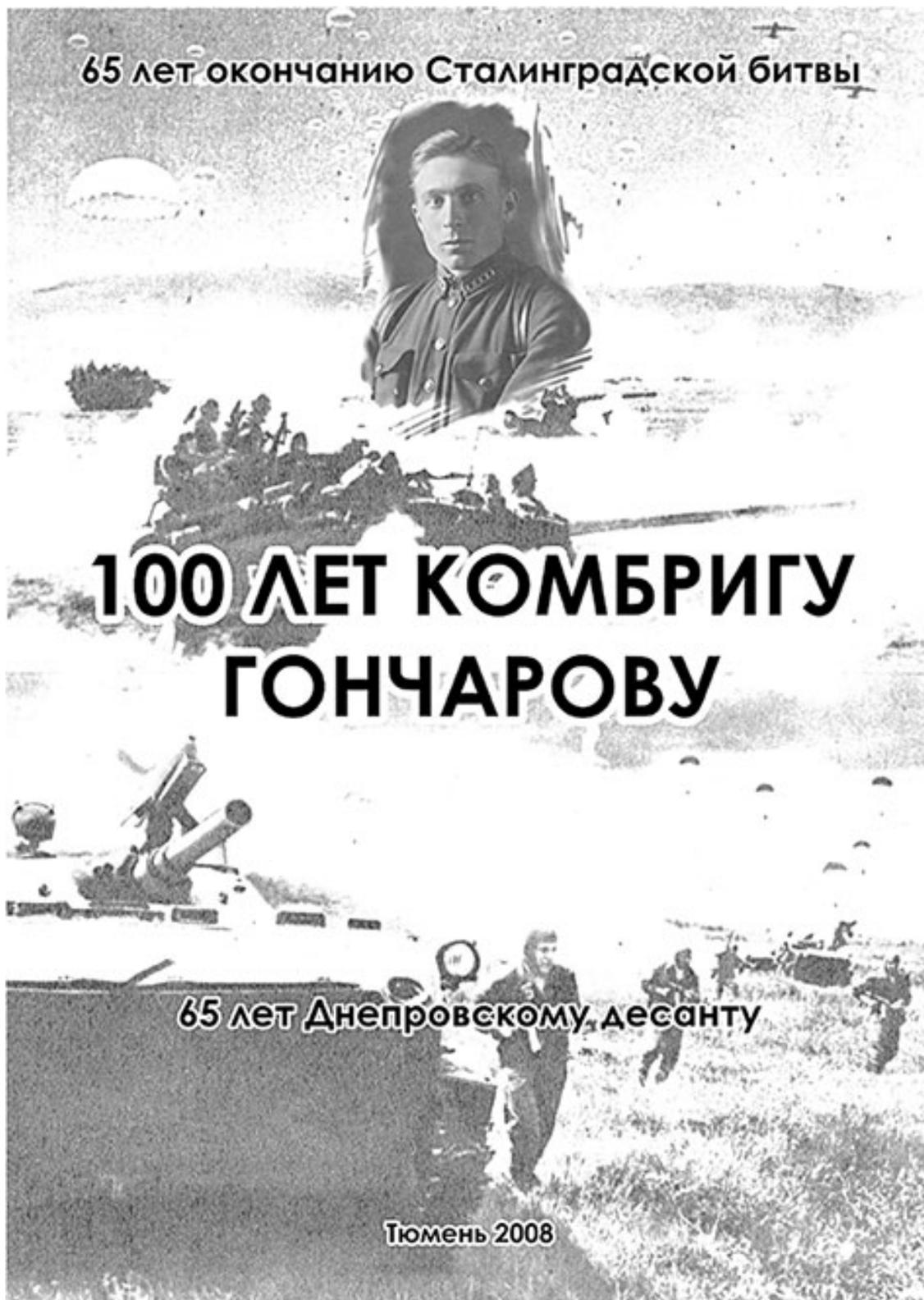
Об этом и многом другом – эта книга.

Мы замшелые ветераны
Тех войн, о которых никто не знал!
Мастикой из нашей крови натирали
Паркетные высокие кремлёвских зал...
А когда вручали ордена и медали —
Нас не было в этом почётном строю,
Я и сам иногда – до сих пор! – удивляюсь, —
Как живой на земле этой вечной стою?!

От войны к миру и обратно

М. Эшер. День и ночь, 1938.

Брошюра для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино (текст и вёрстка – Анвар Исмагилов)

Сто лет комбригу Гончарову

В этом году исполняется 65 лет со дня окончания Сталинградской битвы (написано в 2008 году – А. И.), столько же – героическому и трагическому Днепровскому десанту, и 100 лет со дня рождения командира 3-й гвардейской бригады ВДВ, гвардии полковника Василия Константиновича Гончарова, одного из тех, кто стоял у самых истоков элитного рода Вооружённых Сил.

Пришла в гости тётка жены, Варвара Васильевна, принесла документы, фотографии и попросила написать для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино что-то вроде брошюры. Каждый год, пока были силы, старики-десантники собирались, пересчитывая живых участников тех далёких и трагических, на уровне древнегреческого мифа, событий. Выполняю просьбу.

Он родился 24 апреля 1908 года в селе Кондрашовка Семилукского района Воронежской области. Пережил неурожай, голод, смерть отца в 1920 году. А в семье было *восемь* детей! Мать Василия, Татьяна Федосеевна, отдала в детский дом двух сыновей: старшего, Захара, 14 лет и Василия, 12 лет. Братья взвалили на свои детские плечи труды и заботы о хозяйстве детдома – кололи дрова, топили печи. Во время эпидемии тифа детский дом эвакуировали, а Василия оставили, решив, что он «не жилец». Но его выходил сторож детдома, благодаря которому подросток выжил.

Оставшись без родителей, Василий не терял надежды на встречу с родными, и она состоялась: в 1937 году нашлись мать, братья и сестры. А он окончил в 1928 году торгово-конторскую школу и работал инспектором книготорга по Воронежской области (кто бы мог подумать, что этот книжник станет командиром элитной бригады ВДВ Резерва Ставки Верховного Главнокомандования!).

Едва женившись в 1930 году на Шуре (Александре Николаевне) Клочковой, Василий тут же был призван в Красную армию. Так началась его военная карьера. В Ленинкане он окончил школу младших командиров при Кавказском горно-стрелковом полке и был направлен в Пензенский стрелковый полк командиром стрелкового взвода, а в 1936 году уже стал помощником начальника штаба полка. В Пензе родилась старшая дочь – Варвара. В этом же году В. К. Гончаров был переведён в Дальневосточный военный округ на станцию Завитая Алтайского края (ныне город Завитинск), начальником разведывательного отделения во 2-й авиадесантный полк Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Он служил у будущего командующего ВДВ Ивана Ивановича Затевахина.

Учения. Высадка десанта в 1930 году.

За несколько лет до этого, 11 декабря 1932 года, Реввоенсовет СССР принял постановление о развёртывании авиадесантного отряда Ленинградского военного округа в бригаду, которая стала базой обучения инструкторов воздушно-десантной подготовки и отработки оперативно-тактических норм. К марту следующего года наметили формирование по одному авиадесантному отряду в Белорусском, Украинском, Московском и Приволжском военных округах. Так будущий комбриг оказался на острие военной реформы, в элите Вооружённых Сил СССР.

На Дальнем Востоке было создано три полка: 1-й (командир М. И. Денисенко), уже упомянутый 2-й и 5-й (командир Н. Е. Тарасов). В 1938 году родилась вторая дочь, Валентина. В этом же году из авиадесантных частей были сформированы шесть воздушно-десантных бригад. Командиром 212-й бригады был назначен майор И. И. Затевахин, принявший боевое крещение в 1939 году в боях у реки Халхин-Гол против японских милитаристов. 212-я была переброшена с Дальнего Востока, и к 18 августа сосредоточена у города Хамар-Даба. Уже 20 августа подразделения двух мотобригад и 212-й ВДБ после длительного марш-броска на север разгромили базу японских войск у озера Узур-Нур и завязали бои за высоту Фуи, мощный узел обороны. Японцев пришлось выбивать гранатами и штыками из каждой щели.

Бои на реке Халхин-Гол привели к полному разгрому японских войск и отказу от открытия второго фронта против СССР. В ответ на настойчивые требования вступления Японии в войну немцы однажды услышали мудрое замечание: «Начальное военное образование мы получили на Хасане, среднее – на Халхин-Голе. Высшее военное мы получать не хотим!». За мужество и героизм 352 десантника были награждены орденами и медалями. Василий Гончаров, уже 11 октября 1939 года получивший свой первый боевой орден («Красную Звезду») и орден Монгольской Народной Республики, быстро продвигался вверх по служебной лестнице, став начальником оперативного отделения бригады. Воины бригады даже получили право написать письмо ЦК ВКП(б).

В 1941 году на базе воздушно-десантных бригад были развернуты пять воздушно-десантных корпусов. 212-я бригада вошла в состав 3-го воздушно-десантного корпуса генерала В. А. Глазунова и стала одной из лучших. К началу Великой Отечественной войны 212-я была переведена в Одесский военный округ, в Вознесенск. Здесь воздушно-десантные войска первыми приняли на себя удар противника.

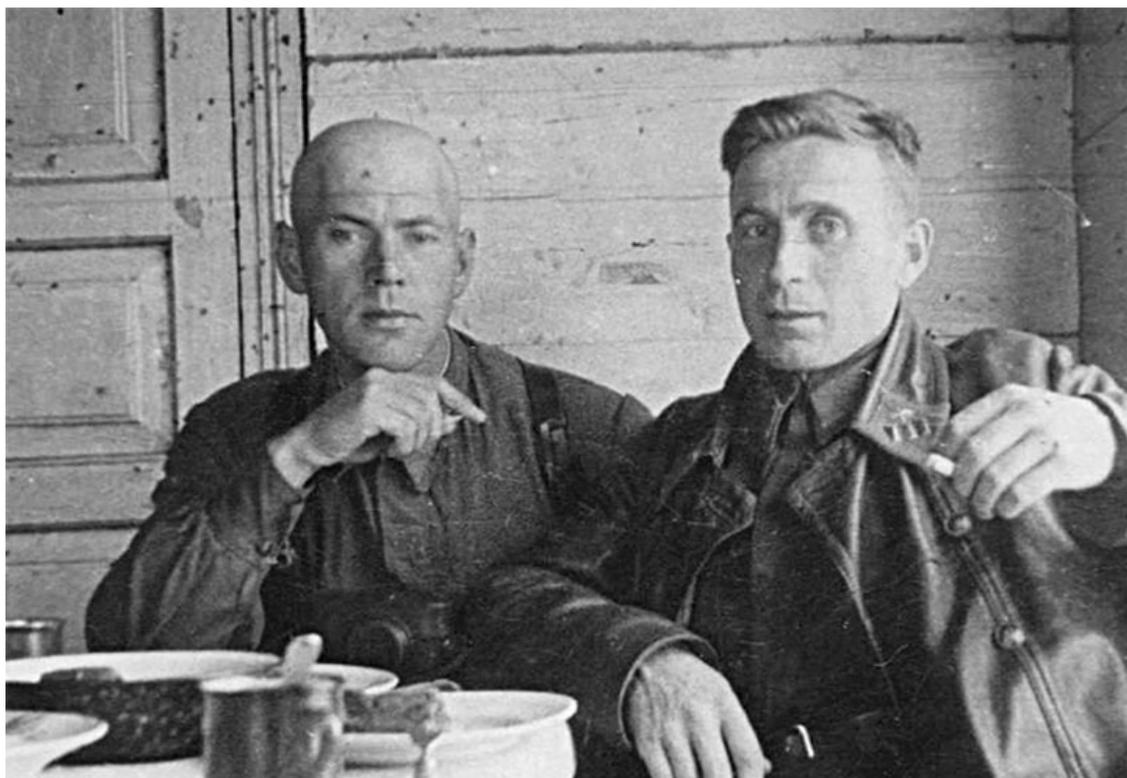

И. И. Затевахин.

А. И. Родимцев.

В первые дни войны полковник И. И. Затевахин со своей бригадой отличился на Юго-Западном фронте, при обороне Киева. Десантники 212-й бригады вели ожесточённые бои с противником севернее Киева, в районе города Остер, и сорвали все попытки врага перейти реку Десну, а позже удерживали переправы через реку Сейм, стойко сражались на конотопском и черниговском направлениях. Звания Героя Советского Союза был удостоен стрелок 212-й ВДБ Н. Обухов, вместе с тремя товарищами захвативший документы и знамя (!) 16-й немецкой моторизованной дивизии. Вместе с ними воевала 5-я бригада, командиром которой был легендарный полковник А. И. Родимцев. Попав в окружение, десантники выходили из него с боями. 3-й ВДК в ноябре 1941 года был преобразован в 87-ю стрелковую дивизию под командованием Александра Ильича Родимцева. 19 января 1942 года по приказу Верховного Главнокомандования дивизия получила наименование 13-й гвардейской стрелковой с вручением гвардейского Знамени.

В Сталинграде, 1942 г.

В ноябре 1941 года В. К. Гончаров был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

А с августа по ноябрь 1942 года он попал в кровавую мясорубку Сталинградского фронта, оборонял Сталинград в составе 13-й гвардейской дивизии своего командира генерала Родимцева до последних дней Сталинградской битвы! В эти тяжёлые дни он писал с фронта жене Шуре: «Бои идут жестокие, мы готовы погибнуть, но врага не пропустим. Если что со мной случится, жизнь устраивай по-своему, береги дочек».

За эти бои он получил орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и самую ценную для него награду – медаль «За оборону Сталинграда».

В конце 1942 года молодой, обстрелянный, полный боевого опыта двух войн, энергичный и перспективный офицер был направлен в Москву, на учёбу в Высшую Военную академию им. К. Е. Ворошилова (так в документах. – А.И.). По окончании учёбы он получил звание полковника и назначение командиром 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады в город Фрязино, где началась подготовка к «героическому и трагическому», как его назвали впоследствии, Днепровскому десанту.

25 октября 1942, г. Сталинград.

С женой Шурой в отпуске, 1942 год.

Три воздушно-десантных бригады: 1-я, 3-я и 5-я общей численностью свыше 10 000 человек должны были высадиться в предполье Букринского плацдарма на правом берегу Днепра. Из-за ошибок, просчётов и даже нарушения лётчиками выданных лётных заданий десант был выброшен с разбросом от 30 до 100 километров, прямо под огонь срочно переброшенных сюда нескольких пехотных дивизий и танковых корпусов противника!

Эта трагическая история нашла отражение в знаменитой песне барда Михаила Анчарова «Баллада о парашютах»:

Парашюты рванулись и приняли вес,
Земля колыхнулась едва,
А внизу дивизии «Эдельвейс»
И «Мёртвая голова».

В. К. Гончаров, командир 3-й ГВДБ, начальник штаба 103 гв. сд. в 1944-45 гг.

Автоматы выли, как суки в мороз,
Пистолеты били в упор,
И мёртвое солнце на стропах берёз
Мешало вести разговор...

Но немцы потеряли четыре важных дня в сражениях с десантниками, сумевшими не только вступить в бои, но и найти своих товарищей, и соединиться с местными партизанами.

За это время на Букринский плацдарм успели переправиться не только все части 9-го мехкорпуса, но и части 40-й армии! За каждого десантника немцами в октябре была назначена цена в 6 тысяч оккупационных марок, о чем оповещали сбрасываемые с самолётов листовки!

В. К. Гончаров был ранен дважды: легко в сентябре 1941 года и тяжело – в октябре 1943-го, во время высадки Днепровского десанта. В 1944 году Василий Константинович стал начальником штаба 103-й гвардейской стрелковой дивизии, дислоцированной в Белоруссии, в городе Быхове Могилёвской области. Он воевал на 2-м и 3-м Украинском фронтах, освобождал Венгрию, Чехословакию, а закончил войну в мае 1945 года в Праге. Последняя должность – начальник штаба 24-й Отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады в городе Тейкове Ивановской области.

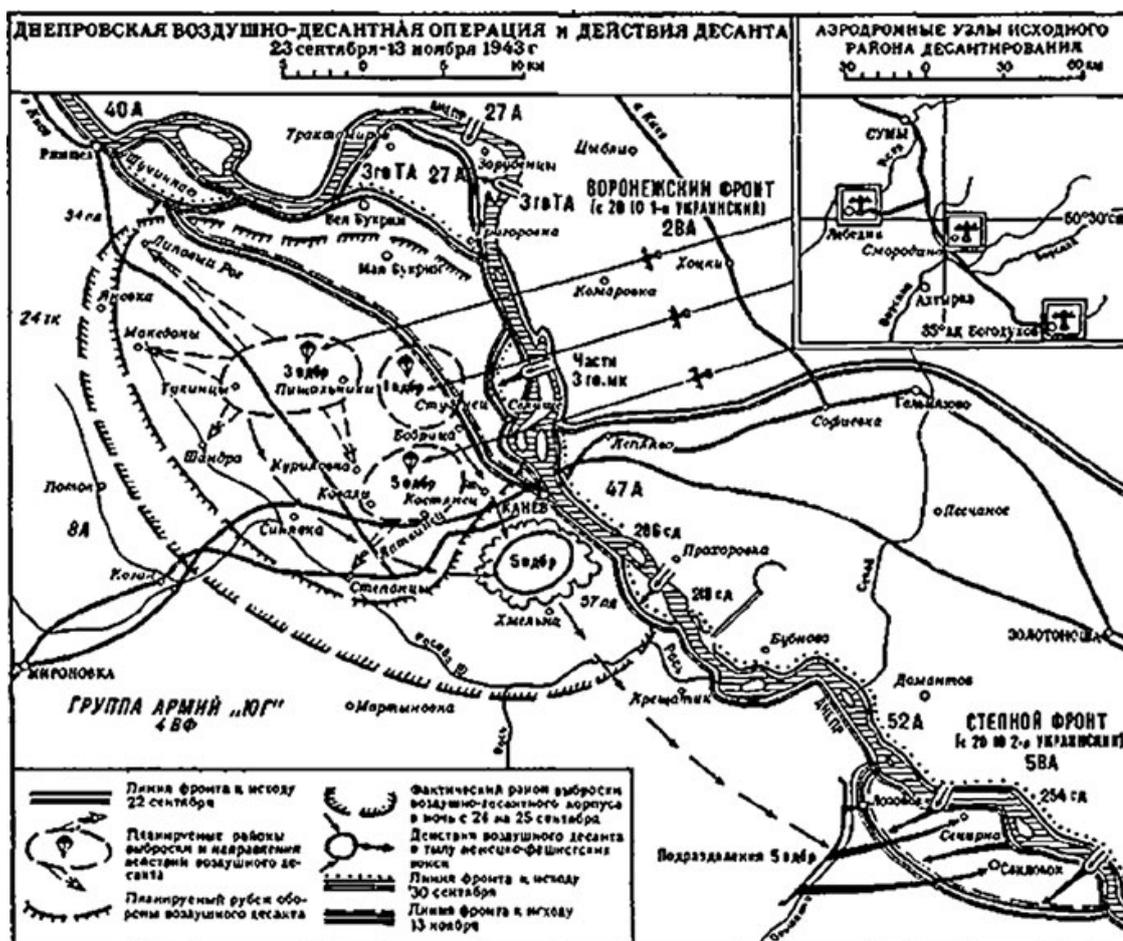
После полной демобилизации он с семьёй переехал в Тюмень, был секретарём парткома завода «Строймаш», заведующим промышленно-транспортным отделом ГК КПСС, председателем Сталинского райисполкома. Кстати, в партию он вступил ещё в 1939 году, перед началом военных действий на Халхин-Голе.

В мае 1958 года его не стало...

*Днепровский десант
(24 сентября – 28 ноября 1943 года)*

Из истории советских ВДВ: «В ночь на 25 сентября 1943 года с прифронтовых аэродромов поднялись транспортные самолёты с десантом на борту и взяли курс в район Букринской излучины Днепра в тыл врага. Так началась Днепровская воздушно-десантная операция, в ходе которой советские десантники проявили массовый героизм, мужество и стойкость. Ставка Верховного Главнокомандования решила применить воздушный десант в составе корпуса, в который вошли 1-я, 3-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады.

В Центральном архиве Министерства обороны СССР сохранился план Днепровской воздушно-десантной операции, разработанный штабом ВДВ. Вот несколько выдержек из него: воздушный десант после приземления захватывает рубежи Липовый бор – Македоны–Степанцы с задачей не допустить прорыва противника к западному берегу Днепра на участке Канев – Трактомиров. протяжённость фронта обороны десанта 30 км, глубина 15–20 км.

Продолжительность самостоятельных боевых действий в тылу – 2–3 суток. Общая численность состава десанта – около 10 тысяч человек. Выброска десанта возлагалась на авиацию дальнего действия. Исходный район для десантирования – аэродромы в районе Лебедин – Смородино – Богодухов, расположенные в 180–200 км от района высадки.

Вели их экипажи 101-го полка АДД, которыми командовала Герой Советского Союза полковник В. Гризодубова. Два часа спустя стартовали самолёты с парашютистами 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады. За линию фронта было выброшено около 5 тысяч человек и 660 парашютных контейнеров с боеприпасами и питанием. Ни командир, ни рядовые бойцы не знали ещё, что в районы, намеченные для высадки, противник стянул сильные резервы в составе четырёх дивизий.

Наша фронтовая авиация не подавила фашистскую ПВО, и экипажи вынуждены были увеличивать установленную высоту и скорость полёта, теряли ориентировку. Это привело к разбросу десанта почти на 90 км от Ржищева до Черкасс.

Не могли они знать и того, что одним из первых будет подбит самолёт, в котором находилось управление 3-й бригады во главе с гвардии полковником П. И. Красовским. Десантирование войск было прекращено.

Днепровская воздушно-десантная операция была задумана с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра. Для проведения операции привлекались 1-я, 3-я и 5-я отдельные воздушно-десантные бригады, объединённые в воздушно-десантный корпус (командир – зам. командующего ВДВ генерал-майор И. И. Затевахин). Корпус насчитывал около 10 тысяч парашютистов. Для десантирования от авиации дальнего действия выделялось 180 самолётов Ли-2 и 35 планеров А-7 и Г-11. Непосредственно десантировались 3-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады. Всего в ночь на 25 сентября со всех аэродромов было произведено 298 самолётных вылетов вместо 500 запланированных и выброшено 4575 парашютистов и 666 упаковок с боеприпасами.

Из-за неправильного распределения средств связи и радиостов по самолётам к утру 25 сентября никакой связи с выброшенным десантом не было. Связи не было и в последующие дни, вплоть до 6 октября. По этой причине дальнейшее десантирование пришлось прекратить, и оставшиеся невысаженными 1-я ВДБ и подразделения 5-й ВДБ были возвращены в постоянные районы базирования».

Высадка под огнём

Председатель совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке:

«В апреле 1943 года я был направлен в 3-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, которая проходила формирование в г. Фрязино Московской области. Меня определили в 1-й парашютно-десантный батальон, в роту ПТР (противотанковых ружей) на должность командира расчёта – наводчиком ружья ПТР.

В июле 1943 года нашей бригаде было вручено боевое гвардейское знамя, а всему личному составу – нагрудные знаки «Гвардия». В честь этого события проводились военно-спортивные соревнования, в ходе которых я на штурмовой полосе занял первое место, и командир бригады гвардии полковник В. К. Гончаров распорядился назначить меня командиром отделения, а в последующем я стал помкомвзвода. С мая по сентябрь 1943 года личный состав бригады в упорной и напряжённой учёбе успешно освоил полный курс воздушно-десантной подготовки, и после инспекторской проверки в августе (проводилось десантирование всей бригады с выполнением учебно-боевых задач) был готов для ведения боевых действий в тылу врага. И такое время наступило. 21 сентября 1943 года по боевой тревоге мы уложили свои парашюты (только один главный, а запасной в тыл не брали) в мешки ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), уложили ружья ПТР, боеприпасы к ним, гранаты, толовые шашки, патроны к автоматам ППС, ППС, и по зелёной улице нас эшелонам доставили на Лебединский полевой аэродром Сумской области.

Здесь в ночь на 25 сентября 1943 года 101-й гвардейский авиационный полк АДД под командованием Героя Советского Союза полковника Валентины Гризодубовой поднял нашу бригаду в воздух и взял курс в район Букринской излучины Днепра, в тыл врага. Эта операция проводилась по решению Ставки Верховного Главнокомандования в полосе Воронежского фронта. Нам ставилась задача – оказать помощь его войскам в захвате и удержании плацдарма на правом берегу Днепра в районе Великого Букрина и тем самым способствовать освобождению Киева. пришлось прыгать с 2000 метров и на большой скорости, что привело к тому, что наш десант был разбросан на 100 километров – от Ржищева до Черкасс, и в первые дни мы вынуждены были действовать небольшими группами по 20–40 человек».

Перед посадкой в самолёты. На первом плане – В. К. Гончаров.

Капитан Николай Сапожников летел в самолёте, в котором находился штаб бригады. На его груди под гимнастёркой было туго намотано гвардейское знамя. Над Днепром самолёт был повреждён зенитным огнём фашистов и стал неуправляем.

Н. И. Сапожников.

«Покинуть самолёт!» – приказал командир бригады...

В воздухе две пули прошли тело знаменосца...

Впоследствии капитан Сапожников был спасён местными жителями, знамя в цинковом ящике было закопано подростком Анатолием Гоненко и возвращено командованию. Сапожников был награждён орденом Отечественной войны I степени. После войны А. Гоненко также был удостоен высокой награды.

Спасение комбрига

Из рассказа сержанта С. Ф. Гуйды:

«Туман стал рассеиваться быстро, и все одновременно заметили мелькнувшую в кустарнике фигуру человека. По лесам ещё много бродило и одиночек-десантников, и групп десантных. И вот на маленькой уютной полянке видим группу людей. Не немцы, не полиция. Форма наша... И вот кого я узнал первым – командира нашей третьей бригады гвардии полковника Гончарова Василия Константиновича. Возле него с винтовкой стоял человек. На всякий случай я дал команду: «Руки вверх!». Комбриг узнал меня, бросился ко мне, крикнул: «Отставить, сержант Гуйда!». Обнял, в глазах слезы, рука одна на перевязи-тряпке. Опустился на землю, попросил рассказать ему – что, где и как. Слушал внимательно полчаса. Наши охраняли всю полянку, там на траве лежала ещё наша обессиленная медсестра... Силы её оставили, даже плакать не могла – только бормотала: «Слава Богу, наши». У всех в

его группе оставалось по одному-два патрона. У девчонки к груди была привязана граната Ф–1, одна на всех на всякий случай.

Полковник попросил хоть чем-нибудь покормить его и спутников. У нас кое-что было – варёная кукуруза, свёкла сырая и по кусочку конины. Сестрѣнке отдал я кусочек сахара, хранил его для раненых, что были в партизанском госпитале на Ирдынском болоте. А тут наскочил на нас полицай верхом... В двух мешках был хлеб свежий и сало, самогон в больших бутылках типа четверти и крынка мѣда. Подкормили всех, себя не забыли, только мѣд не трогали, даже медичка отказалась: раненым мѣд – бальзам на их раны за страдания на болотах...

Потом с ребятами из комендантского взвода приводили полковника в порядок – подстригли, побрили, вручили комплект немецкого шёлкового белья. Он помылся в кустах в бочке (воду нагрели, нашли обмылок какой-то, вместо мочалки – мох с дерева) – полковник стал походить на нашего командира бригады весны и лета 1943 года... Однажды, когда каратели сильно прижали его группу в овраге, прикрывать отход всех вызвался Быков, солдат, Юрий по имени. Он из пулемѣтчиков, уралец, мужик храбрый и надёжный. Группа оторвалась и ушла уже далеко, а Юра отбивался из двух ППШ и «шмайссера». Потом гранаты гремели...

...Юрий Федорович Быков жив! Живѣт в городе Ревда, под Свердловском. Я его видел на встрече ветеранов наших бригад в 1976 году в Свидовке, на Черкасчине».

Как это было

Кинорежиссѣр, лауреат Ленинской премии, Г. Н. Чухрай:

«Здесь, во Фрязино, мы готовились к новым боям. Я был опытным бойцом с огневой выучкой под Харьковом и Сталинградом, младшим лейтенантом. Мы готовили новых десантников, учили их прыгать с парашютом, рукопашным схваткам. За отличную подготовку роты я был награждѣн золотыми часами командующего ВДВ.

Лейтенант Григорий Чухрай, 1945 г.

...События той ночи до сих пор у меня перед глазами. До этого мне порядком пришлось хлебнуть лиха: дважды ранен, воевал под Сталинградом, но такого – падать навстречу сверкающим трассам пуль, разрывам снарядов, сквозь пламя горящих в небе парашютов товарищей, висящих «фонарей» – ещё не испытывал.

Решили... в том числе и меня, послать через Днепр на связь. Три дня мы пролежали в засаде... И вот мы у своих. Там получили приказ вывести свой отряд через линию фронта. Так мы вернулись в Москву. Сходили сначала к Мавзолею. Это была живописная картина. Мы на Красной площади: кто в немецких брюках, кто в немецком мундире, кто ещё в чем-то. Я был награждён орденом Красной звезды, товарищи получили по ордену Славы и медали «За отвагу». Нам... вручили награды, прочитали выдержки из немецких документов: нас немцы насчитывали 250, а нас было около 30. Я был горд...».

Григорий Койфман, Иерусалим:

«...и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта, всемирно знаменитого кинорежиссёра Григория Наумовича Чухрая.

Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все «острые углы», связанные с судьбой десанта, «изящно» сглажены. Взял воспоминания лётчика из полка, проводившего высадку десанта, там один лейтмотив – «мы не виноваты»... Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников».

Из интервью ветерана 3-й ВДБ Матвея Цодиковича Лихтермана Г. Койфману, исследователю десантных операций:

Вопрос: «Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолёт и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!».

Ответ: Было такое. Нам сказали не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернётся... Знали... И были готовы умереть как один, но выполнить свой воинский долг... Мы десантники, этим сказано многое.

В небе послышался гул самолётов. И тут началось!!! Сотни трассирующих пуль шли вверх.

Стало светло как днем. Зенитки «ухают». Над нашими головами разыгралась страшная трагедия... Не знаю, где найти и подобрать слова, чтобы рассказать, как это было... Мы видели весь этот кошмар... Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты, а парашюты все из капрона и перкали, вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки горящих факелов. Так погибали, не успев принять бой на земле, так сгорали в небе наши товарищи... Мы видели всё: как падали два подбитых «дугласа», из которых ещё не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолётов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метрах от нас врезался в землю ЛИ-2. Мы бросились к самолёту, но там живых не было. К нам прибило в эту страшную ночь ещё несколько чудом уцелевших десантников. Всё пространство вокруг нас было в белых пятнах парашютов. И трупы, трупы, трупы: убитые, сторевшие, разбившиеся десантники... А через час началась тотальная облава. В облаве на нас участвовали немцы с танками и самоходками. Далее: «власовцы», местные полицаи и солдаты Туркестанского легиона. Я это знаю точно, мы же видели, кого мы убиваем и кто убивает нас...

...выброска была произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла. Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков».

Матвей Цодикович Лихтерман, 1943 г.

Председатель Совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке.

«...На протяжении многих лет я возглавляю совет ветеранов 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Наш музей боевой славы в СШ № 1 г. Фрязино, где бригада в 1943 году формировалась, – лучший в Московской области. Высокую оценку его работе дал губернатор Московской области Б. В. Громов».

Донузлав, или Музыкальная бербаза

От автора: повествование «Донузлав» – не автобиография и отнюдь не трагическое эссе на тему раздела Черноморского флота, аренды Севастополя и невозвратной потери Крыма. Я постарался вспомнить некоторые эпизоды – и смешные, и печальные – из тяжёлой и во многом бессмысленной военной службы, последствия которой не дают мне покоя до сих пор. Капитан третьего ранга Фёдоров, выдавая мне новый военный билет, долго вертел в руках учётную карточку и только головой качал: да, парень, досталось тебе за четыре года! Как ни странно, мои предсказания на тему: «Уничтожение партполитаппарата Вооружённых Сил СССР и круизные рейсы на артиллерийских крейсерах по Средиземному морю» оказались пророческими. С недавнего времени украинцы, продав на металлолом несколько недостроенных кораблей ЧФ, используют некоторые из оставшихся для «челночных» рейсов! В Прибалтике, по слухам, корабли на воздушной подушке превратили в средства паромной переправы. Об империи уже не говорю: она развалилась так стремительно, что никто и охнуть не успел. Вот тут-то и оказалось, что тонны пролитой крови и десятки тысяч потерянного личного состава были бессмысленным жертвоприношением – сродни языческим!

Грустно жить на свете, господи!

Посёлок Ново-Озёрный (на современных картах – Новоозёрное) с высоты птичьего полёта.

Фото: <http://novoozernoe.net>.

Всем, кто хлебнул горько-сладкого ветра приморской степи.

Предисловие I

*Не хочешь зла – не делай добра!
(Древние китайцы)*

Пояснения:

Донузлав – солёное озеро в Крыму, соединённое каналом с Чёрным морем. Когда-то – секретная военно-морская база Черноморского флота. Гиблое место. В переводе с татарского – «свиное озеро». При любви к свинине со стороны мусульман можно себе представить, как выглядят окрестности озера. Зимой до минус тридцати пяти при ветре тридцать метров.

Севастополь – город в Крыму. Без комментариев.

Крым – место действия повести. Говорят, там жили греки. Кто теперь – даже не могу предположить. На Юге Крыма тепло. Вино вкусное.

Черноморский флот, он же «королевский», он же «апельсиновый» – организация людей и кораблей, подвижная структура, позволявшая из Москвы и Севастополя управлять делами в Луанде, Читтагонге, Камрани и других интересных местах планеты.

Все имена, события, факты, географические названия и даты вымышлены или уже не существуют. Скажем, вчера вас видели в Нью-Йорке, а сегодня в Кунгуре Пермской области. Если вы премьер-министр – возможно, хотя маловероятно. Тем более, что завтра вы не премьер, а подследственный. Я пишу не о том, как было, не о том, где находился подлинный герой, не обличаю зло, похваливая добродетель. Я пишу жизнь такой, какой она мне нравится! Понятно?

Совпадения случайны и неизбежны. Автор заранее просит прощения у тех, кто попал в повесть без их ведома, по воле литературного рока.

Донузлав. Выходной канал. Едим крабов. Справа – Анвар Исмагилов.

Донузлава больше нет. Севастополь – город украинских моряков. Черноморский флот – в дыму дележа и грабежа. Союза нет, и слава Богу, – меньше хлопот, – но почему-то больше войн и безобразия.

Американцы задают вопрос Косыгину на переговорах по «детанту»:
– Сэр премьер, почему вы не разрешаете своим гражданам ношение оружия?

Хмурый сэр скосил на них тёмные глаза и мудро ответил:

– Вы что, с ума сошли?! Они же друг друга перестреляют!

Что и видим...

Абхазии больше нет... Нет моей волшебной родины с бархатным небом и алмазными звёздами, ослепительным солнцем гудаутских пляжей и зацветающими по весне забо-

рами из прутьев акации, знаменитыми сухумскими кофейнями и бессмертным лыхнинским дубом, ново-афонским чудо-монастырём, поставленным на месте гибели Симона Зилота, того самого, на чьей свадьбе Спаситель наш претворял воду в вино...

При штурме Сухуми отличился экипаж баркаса главстаршины Пупкина, под перекрёстным пулемётным огнём вывозивший беженцев... Подумать страшно – при штурме Сухуми! На наш гудаутский аэродром заходил в боевом развороте истребитель капитана, допустим, Гогия, и в прямом эфире звучали мерзейшие слова:

– Вы, русские, продались абхазским собакам...

Можно подумать, что это абхазы высадились в Гаграх, дотла разорили Сухумский обезьяний питомник и угнали «Волги» из таксопарка! И знал ведь этот Гогия, что униженные российские лётчики не поднимут самолёты и не срежут наглеца ракетой!

Я не называю фамилий: подлецы и герои на войне примерно в равных условиях, только ведут себя по-разному.

Говорят, все империи рано или поздно гибнут в огне новых времён и народов. Однако у нас даже развал самой крупной за историю мира автократии произошёл «через клизму» – так Саша Брунько, гениальный поэт, назвал стихи об антиалкогольной истерии восьмидесятых, за что и был тогда же посажен на год! Мы долго запрягали, но когда поехали – у коня оторвался зад и попёр сам по себе, дышло въехало в кучера и сбросило его с облучка, а мы, бедные Чичиковы, кинулись из брички врассыпную – кто в бандиты, кто в банкиры, кто в бомжи, с жадным блеском в очах и кличем «грабь награбленное, дели неделимое, пока другая власть не пришла!».

Мне ли пенять на судьбу, отшельнику и бродяге с многолетним стажем, подзаборному жителю пяти морей и океанов: сижу себе за клавиатурой рабочей станции, поглядываю в монитор, слушаю компакт-диск с нежными птичками и водопадами, а на улице рабочий день, июль, пух тополиный летает... Вот вернётся Олег из «Сибнефтепровода», и поедem рассматривать чертежи объёмных букв на крыше СУПЛАВа. А там и второй принтер поменяем, хватит мне на семистах двадцати точках сидеть, желаю тыщу четыреста сорок, и на фотобумаге!

Малый противолодочный корабль проекта 1124-М – МПК-89.

МПК проекта 1124 («Альбатрос», кодовое обозначение НАТО – Grisha class corvette) строились в 1970-80-е годы для ВМФ СССР в составе двух основных серий (проекты 1124 и 1124М).

Водоизмещение (полное) – 960 т; длина – 71,2 м; ширина – 10,17 м; осадка 3,6 м. Скорость полного хода – 36,1 узлов. Дальность плавания: 4000 миль при 10 узлах, 2700 миль при 14 узлах, 950 миль при 27 узлах. Автономность плавания – 10 суток. Экипаж – 86 человек.

Вооружение: 2×2 57 мм АК-725 (2200 выстрелов) – СУ МР-103 «Барс»; 2×2 533 мм ДТА-53-1124 (4 торпеды ТЭСТ-71, СЭТ-65, СЭТ-53, СЭТ-53М) – ПУТС «Дракон»; 2×12 РБУ-6000 «Смерч-2» (96 РГБ-60) – ПУСБ «Буря»; 2 бомбосбрасывателя (12 ГБ ББ-1 или БПС, пр. 1124П – 16 ГБ ББ-1); 18 мин.

Один из донузлавских МПК однажды вернулся из района боевых действий, особо в те годы не афишируемых: 64 пробоины с двух бортов! Но дошёл своим ходом.

Я не о себе: всё нормально, есть семья, работа, дом, свободное время для писательства... Я о прошлом. Оно исказилось, вывернулось в ленту Мёбиуса, и не понять, где начало, а где конец наших бед и поражений. Я о молодости, отданной мифическим военным целям империи, о тысячах погибших и списанных втихаря, безо всяких Афганистана и Чечни, в эпоху великого застоя в крови трёхсотмиллионного народа. Сколько раз мы по три раза передёргивали затворы АКМов – «одиночными, залпом, огонь!» – над свежей могилой, отдавая последние почести гражданам страны, которая даже шёпотом запрещала говорить о настоящих причинах и обстоятельствах гибели призванных на военную службу в мирное время!

Вы догадались, что предисловия и не было? Это уже Донузлав, савмэсэз, ипташляр!¹

---

¹ Здравствуйте, товарищи! (таг.)

– Привіт!
– Агой!²

Предисловие II

*Заслушали, постановили,
закрыли солнышко в плафон...
И влажной тряпкой звезды смыли,
оставив только чёрный фон.*

*(Из стихов замполита БЧ-5 крейсера «Суворов» Юрия Правикова.
Владивосток, 1977 г.)*

Слушайте, діти, я розкажу вам велику казку про велику бійку тай про те, як не треба втопати у морі!³

Слухай, Кір Гушинський, а також Олекса Недоспасів. Слушайте усі! Шикуйсь! Струнко! Рівняння на мене! Кроком руш!⁴

И хор усатых «хвощів», встряхивая чубами, лихо закидывая сапог за сапог, потрясая в воздухе шматками розового сала со слезой, печатает шаг по Минной стенке, к «Гетьману Сагайдачному», который когда-то был «Адмиралом Октябрьским». В ВМС Украины на четыре корабля восемь адмиралов. Корабль управления носит на себе ледовый пояс – это в Крыму-то!

Игорь Шебаршин получил орден Красной Звезды за то, что в Северном море на сторожевом корабле «Галантный» двадцать минут затыкал пробойину собственным телом, а точнее той его частью, на которой сижу я в период писательской течки. Ау, Игорь, как твой ревматоидный артрит?

Мишку Шелобнёва вчистую выгнали с флота старлеем, сняв одну звезду за то, что его матрос прыгнул с БМТ в Босфор. Матроса застрелили в воде из АКМ свои же вахтенные с красными повязками на рукавах. Турки, нарезая кольца на катерах береговой охраны вокруг нашего отряда, махали кулаками, воздевали очи горе, подобрали труп и, говорят, похоронили его с воинскими почестями, как борца за демократию. Наслушался «голосов», сукин сын!

(Недавно я схоронил Михаила Николаевича Шелобнёва в его родном Екатеринбурге. Душа не выдержала боевых служб, долгих скитаний по Северу, от Мурманска до Диксона, бездомной и безденежной жизни бывшего блестящего офицера ВМФ СССР. Мир праху его!).

Вову Иванова знали как Ефимовича, а потом выяснилось, что он по отцу, кап-три из Севастополя, и вовсе Кац. Что, интересно, он чувствовал, когда капитан-лейтенантом в составе Средиземноморской эскадры циркулировал у песчаных берегов Синайского полуострова?

Еду по Москве с бардом Мишей Кочетковым, поезд ломается, и мы выходим на Третьяковской. Ждём следующего минут пять. В центре зала появляется кап-лей в шинели под руку с высокой статной дамой, смотрит в упор, бросает даму, кидается ко мне. Мы обнимаемся – прошло почти десять лет! Мишка, коренной москвич, потрясён: в муравьином мегаполисе два человека, разбросанные от Ростова до Владивостока, встретились в метро!

---

² Привет! (чешск.)

³ Слушайте, дети, я расскажу вам большую сказку о великой битве и о том, как не надо тонуть в море! (укр.)

⁴ Слушай, Кир Гушинский, а также Олекса Недоспасов! Слушайте все! Равняйся! Смирно! Равнение на меня! Шагом марш! (укр.)

Толик Водяников и Андрюша Денисов уже год учились в Военно-политической академии. Там же болтался и толстый Лёня Марченко. В общаге живут семейно, как в военном городке. Накрыли стол, приняли по одной-другой, попели, и я приватным образом побеседовал с Толиком, уже дважды объехавшим земной шар внутри плавучего гроба с музыкой и ракетами водоизмещением двадцать тысяч тонн. За год он дышал свежим воздухом всего три раза, и один из них на Северном полюсе.

– Ну что, – говорю, – замполит, колись! Нужны вы на флоте, или прав был я, когда предлагал демонтировать партполитаппарат?

– Честно скажу, – ответил порозовевший Толик, – нужны мы там, как в бане пассатижи, но вот лично мы с Андрюхой лямку тянем честно. По крайней мере сопли матросам утираем от души. И вахтим, как положено, научились. А так-то, конечно... – И задумался, повесив пшеничный ус на грудь колесом.

– Да, – встрепенулся Толик, – видел я Лёню Пьяныха в Ленинграде, на базе. Идёт под газом, но не шатается, увидел, полез целоваться, а потом рассказывает: «бл..., только что с народной артисткой познакомился в кабаке, к ней домой поехали, с собой прихватили, то да сё, цветы подарил, стихи читаю, потом я её у койку, а она ни в какую! Я и так и эдак, уламываю, чуть не на колени встал, а она – нельзя, и все! Месячные у неё». Я ему говорю: а ты другие варианты не пробовал? А Лёня: «ты что, она же народная артистка!». Ну и дурак, говорю.

– А Сапега погиб, слышал? На тральщике в Читтагонге попал на мины. Самое обидное, что когда его контузило, то он упал за борт, потерял сознание и захлебнулся. Вот тебе и ватерполо! (Двухметроворостый Вацлав Сапега был капитаном училищной команды ватерполистов).

– Бог дал, Бог взял. Давай наших ребят помянем.

Мы встали. Мишка, тогда ещё зелёный студент, оттопырил локоть, изображая гусара. Он уже успел понравиться всем своими залихватскими еврейско-одесско-сказочно-городскими песнями.

– Отставить, – строго сказал Андрюша, – не в кабаке. Просто выпьем и помолчим.

Выпьем и помолчим, дорогой читатель.

Вид на Севастополь с высоты птичьего полета. Куриная пристань. Перед Крымской войной здесь стояли склады провианта, которые привлекали сюда множество кур.

Прелюдия

Штурманский сон более всего похож на кошмары Сальвадора Дали. Время плоскими часами свисает со стола и сухой ветки на фоне жёлтых гор, впадающих в синий залив. Ты командуешь сухогрузом, или яхтой, или противолодочным кораблём, и при подходе к причальной стенке плавно продолжаешь движение – непостижимым образом прямо на рваные бревна, чёрные кранцы, ржавые цепи, журавли портовых кранов, на пустынный асфальт набережной и дальше, по уходящей круто вверх узкой щербатой улице, и врываешься слонком в посудной лавке в центр, на площадь с бетонным фонтаном, где опять же ты стоишь на деревянной эстраде перед несколькотысячной толпой, один, с гитарой, забыв слова, и замены нет, как и в рубке, где с ужасом и восторгом ты дёргаешь бесполезные рукоятки назад, на самый полный назад, а судно или корабль так же плавно и невозмутимо, не примяв и травинки, вне воли командира и штурмана, идёт по сухой городской земле.

Ты просыпаешься с дрожащими руками, с бьющимся, как у зайца в траве, сердцем, и для полной картины не хватает только холодного пота, но его нет, а есть ночное сизое небо за окном, тикающая тишина, мирное сопение тёплой жены. Ужас и восторг, восторг и ужас.

Эпиграф 1

«Командующий войсками, в Крыму расположенными, генерал-адъютант князь Меншиков донёс государю императору, что 1-го числа сего сентября в виду Евпатории появился многочисленный англо-французский флот и что вслед за тем значительное число неприятельской пехоты с частью кавалерии высажено на берег между Евпаторией и дер. Каптугай. С приближением неприятеля все жители удалились как из города, так

и из окрестных селений. Князь Меншиков, не признав возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота, сосредоточил большую часть своих сил на выгодной позиции, в которой готовился встретить противника».

(«Морской сборник», 1854. – 149. – С. 52)

Воздушный бой над Евпаторией

От Босфора до Тарханкутского полуострова примерно пятьсот шестьдесят километров, или триста миль, или полсутки хорошего хода. Американский фрегат УРО «Рональд Тернер» в составе отряда надводных кораблей подкрался к Евпатории под утро. Нас подняли по боевой тревоге ещё ночью. Дрожа от осеннего сырого ветра, мы разбежались по заведованиям. Впервые за несколько месяцев я получил в оружейке десантный автомат с откидным металлическим прикладом красным рожком. Зарядили пулемёт ШКАС тяжёлой лентой с толстыми патронами, больше похожими на маленькие снаряды. Перед этим я наклонил станину, вылил из ствола воду и стальной щёткой вычистил ржавчину.

Над озером тяжело взмывали гидросамолёты, сливая прозрачные потоки с полукруглых животов. В море через боновые ворота стремительно уходили широкие БПК, юркие МПК, хищные сторожевые корабли, осанистые ракетные эсминцы. В воздухе запахло Египтом и Анголой. Мы наглухо закрыли ворота и влезли по винтовой лестнице на башню рейдового поста. Дул свежий морской бриз. В мощные бинокляры с башни рейдового поста хорошо были видны темно-серые силуэты фрегатов и ракетных кораблей.

– Совсем обнаглели, – удивлённо пробормотал мичман Полукошко, – уже в наши воды лезут.

Пограничники на своих низких «эскаэрах» мотались по заливу, переговариваясь нервными вспышками ратьеров. Очевидно, они не решались применить положенное по закону оружие: всё же американцы, а не какие-то турки! А указаний из Москвы не дождёшься: там от удивления как раскрыли рот, так и не могли закрыть, дабы издать положенные звуки: «Беглым, огонь!».

Ракетный крейсер Richmond K. Turner (CG-20, Leahy-class). (В советской прессе корабли этого класса по традиции именовались фрегатами – *прим. ред.*). 09.08.1998 потоплен в качестве мишени в районе Пуэрто-Рико.

С «Ричмонда Тернера» тем временем поднялся странный аппарат: что-то вроде чёрной акулы без головы, с загнутым хвостом, короткими крылышками и блестящим в полутьме винтом над головой. Радиоуправляемый вертолёт пошёл высоко над водой в сторону Евпатории, лихорадочно фотографируя местность и передавая снимки на борт фрегата. В городе проснулось население. Люди высыпали на улицы: не каждый день можно увидеть в родном советском небе американский вертолёт-шпион! Евпатория, задрав головы, созерцала заморскую диковину, нагло жужжащую над крымским берегом. Фрегат, на палубах которого не видно было ни души, насмешливо стоял на кромке нейтральных вод и перерабатывал информацию шпиона. Американские акустики ловили звуки винтов наших подлодок из Балаклавы, роем окруживших американский отряд. Международный скандал разрастался до размеров мини-войны.

От курорта, достаточно интересного расположенным неподалёку ЦУПом (Центр управления полётами – А.И.), умная акула повернула над Каламитским заливом в сторону знаменитого аэродрома Саки, рядом с которым стояли заводы ВПК.

Переполох в Москве был страшный.

Доложили Брежневу. Заспанный генсек долго жевал морщинистыми губами, приходя в себя после транквилизаторов, наконец сообразил, в чем дело, вспомнил, вероятно, юность комсомольскую свою, погранзаставу и сказал со вздохом:

– Нарушитель должен быть наказан. И строго наказан!

Устинов, блестя очками, нервно ходил по залу заседаний и ждал конкретной команды. Команды не было. Спросить маршал не решался.

Брежнев подумал и безо всякой логики добавил:

– Кстати, Дима, я тебе не раз х'говорил: на х... нам столько ракет в Европе?!

– Да пусть стоят, – откликнулся Устинов, – они есть не просят! Зато американцам шило в задницу, чтоб служба мёдом не казалась.

– Во-во, – подначил Брежнев, – теперь они нам туда же перо вставляют. Сбить на хер самолёт!

– Вертолёт, – поправил Устинов, – радиоуправляемый.

– Один хер сбить! Тем более!!!

По СВЧ пошла команда.

Беспилотный противолодочный вертолёт Gyrodyne QH-50 DASH (Drone Anti-Submarine Helicopter) спроектирован на базе пилотируемого вертолета Gyrodyne Rotorcycle, разработанного для ВМФ США.

Длина: 3,9 м, высота – 3 м, максимальная скорость – 148 км/ч, практический потолок – около 5 тыс. м, скорость подъема – 145 м/мин. Часто переоборудовались в разведочные вертолёты.

Вертолёт крутился в небе уже двадцать шесть минут.

Наконец со стороны сакского аэродрома показалась эскадрилья истребителей ПВО. Вертолёт задёргался из стороны в сторону, пытаясь отвалить поближе к городу в надежде на то, что советский лётчик не станет палить из пулемётов и пушек над мирным населением. Но американцы не знали, что такое Политбюро: сказано люминевый, значит люминевый! Да и пушки не понадобились.

Евпатория, хорошо помнившая последнюю войну, поняла, что дело дошло до боевых действий, и попряталась по домам. Выли собаки, орали петухи и кошки, как при солнечном затмении. Выполнив боевой разворот, шустрый истребитель выпустил ракету класса «воздух-воздух». И не попал! Ракета ушла в море и, по слухам, взорвалась у болгарских берегов, наделав немало шума в толпе немецких и австрийских туристов. Вертолёт ринулся к фрегату. Вдогонку ему пошла ещё одна ракета, и опять промах: у истребителя слишком большая скорость для охоты на низколетящую малоскоростную цель. В эфире стоял крепкий мат. На подлёте Gyrodyne QH-50 DASH к фрегату лётчик первого класса Замарахин выполнил ещё один пуск, и на месте только что жужжавшей акулы возникло круглое красно-белое облако. Полетели в разные стороны стремительные дымящиеся обломки, словно обгорелые спички. Самолёты прошили строем над местом гибели вертолёта, насмешливо покачали фрегат крыльями и ушли на базу.

Население высыпало на улицы. На «Ричмонде Тернере» хватались за головы и погоны. Отряд развернулся и ушёл в проливы, лодки вернулись в Балаклаву, а в Донузлаве до вечера принимали корабли. Пулемёт разрядили, и я щедро набил его ЦИАТИМом (специальная смазка – А.И.). С крыши казармы поднялся и полетел в Севастополь чёрный вертолёт заместителя командующего Черноморским флотом. Сыграли отбой.

И тут разразилась такая гроза, что в десяти метрах ничего не было видно. Выл ураганный ветер, на море начался шторм, в округе повалились несколько десятков деревьев, мы с трудом дошли от поста до штаба. Природа облегчённо смывала с себя человеческую грязь: страхи, амбиции, ненависть.

Бывший штаб Крымской военно-морской базы.

В первые годы существования КВМБ (Крымской военно-морской базы) в Донузлаве её курировал лично тогдашний главнокомандующий ВМФ СССР С. Г. Горшков. Условия службы были приближены к условиям Крайнего Севера и Дальнего Востока, но и продвижение командного звена происходило настолько же быстро, как на Северном и Тихоокеанском флотах. Первый командир КВМБ Юрий Викторович Крылов был назначен в 1976 году в звании контр-адмирала.

Фото: <http://novoozernoe.net>.

Эпиграф II

«Своей властью командир Крымской ВМБ⁵ в акватории Донузлава организовал купальню для себя. Для его прогулок на водных лыжах выделялся катер. Но и в период занятий на водных лыжах командир ВМБ не забывал приметить с водной глади о всех непорядках и замечаниях. Удовлетворённый от физических нагрузок, бодрый после купания в Донузлаве и принявши душ, он вызывал к себе командиров, на чьих кораблях замечал нарушения. Но так было недолго. Как только командир ВМБ вызывал машину для поездки в купальню, тут же оперативным дежурным извещались все подразделения. Теперь с бортов кораблей летящего на водных лыжах адмирала сопровождали вытянувшиеся в отдании чести дежурные по соединениям, а личный состав выстраивали вдоль борта».

Из письма штурмана Коли Сыскова.

Стиль сохранен.

---

⁵ Жители посёлка Ново-Озёрный до сих пор с благодарностью вспоминают адмирала Юрия Викторовича Крылова: именно при нем были заложены и реализованы современные проекты улиц, проспекта, Приморского парка. Здания штаба и тыла КВМБ также были выстроены при деятельном участии Ю. В. Крылова.

Приплыли! Утонуть на бонах

Ах, как неохота одеваться и выходить на воздух, навстречу ледяному ветру, рвущему землю из-под ног, из цыганского уюта казармы плавсостава!

Мы прошли по причальной стенке до командного пункта. Попавшийся навстречу Август Карлович Ренпенинг в ответ на наш чеканный шаг критически осмотрел вольный строй, хмыкнул, погрозил мне пальцем, вспоминая вчерашние наставления о флотской причёске, обтёр усы крепкой шведской рукой, махнул ею же в виде отдания чести и зашагал дальше.

– Саклядывайт, – загадочно выразился Сагидулла.

– Чего-чего? – не понял я.

– Саклядывайт на тисциплину – пояснил Братарин.

– Будешь с нами «саклядывать»? Спасибо, что к Потапу не шлёт.

Потапчук, начальник гарнизонной гауптвахты, куда я когда-то попал на полдня – больше не дали посидеть, надо было ехать на задание, – славился необузданной свирепостью и какой-то маниакальной страстью к строевой. У него на «губе» запросто можно было упасть в обморок после непрерывного журавлиного шагания под барабан. И никто с ним не мог справиться – командир ВМБ контрадмирал Крылов, не менее свирепый ревнитель дисциплины, считал, что палка для матроса – лучший подарок, и что бывает только два вида матросов: плохой и очень плохой!

Тральщики в Южной бухте, Севастополь. Слева направо – морской тральщик «Турбинист», морской тральщик «Вице-адмирал Жуков».

Фото: А. Бричевский (<http://flotsevastopol.info>).

Мы миновали огромную неуклюжую «утээску» – учебно-тренировочное судно, место попоек и мелкого разврата. Вдоль стенки строем потянулись обросшие льдом и водорослями приземистые корпуса малых противолодочных кораблей и тральщиков. Мачты, леера, транцы, швартовы, сходни... «Пахло борщом и соляром», – как выразился позже Олег Стрижак. Мы дошли до тральщика старины Юфа. Отдав честь флагу, я прошёл по левому борту и натолкнулся на Юфа, опиравшегося на леера и лениво плевавшего в воду, что по боцманским понятиям было смертным грехом и только что не каралось расстрелом. Но еврей из Баку был существом наглым, упрямыми бесстрашным. Мы обнялись: он пробыл на ремонте вдоке несколько месяцев, а я уже соскучился по остроумному и весёлому трёпу.

– Ты шо, Садат, сапоги набул? А портянки намотал? Тебе ещё скатку на плечо, и будешь солдат Иван Бровкин на целине! О, да ты ещё и свитер поддел! Тогда полный Хемингуэй в Мадриде... Нет, бери выше... Пушкин в Арзеруме. А шо это за красный презерватив на тебе?

– Сам ты презерватив. Спасжилет!

– Ой, ой, ой, я щас умру. Спасжилет! И кого это он спас, дурень? Ты его надул? В таком виде им только девок в Мирном пугать.

– Да что надувать? Не утонем.

– Смотри, Садат, старый больной еврей тебе плохого не посоветует! Говорю, надуй, свалишься в воду – я на тебя посмотрю, каким местом ты его наполнять будешь. Ты видишь, какая погода? Азохэнвэй!

Вообще-то Юф был прав: при выходе на боны полагалось иметь полный комплект – исправный жилет, лампочку, свисток для подачи звуковых сигналов и даже небольшой баллончик со сжатым воздухом. Но наше вечное раздолбайство, помноженное на мнимую лихость, приводило к тому, что баллончики давно были потеряны или пропиты, лампочки не горели, и оставалось только прилежно дуть в мокрый свисток, подавая голос поисковым командам, а заодно и отпугивая акул. Работать в надутым жилете было неудобно, он торчал со всех сторон, натирал шею, и обычно мы сохраняли полное понимание с Сагидуллой и Мысей в этом вопросе. Но слова Юфа меня насторожили: а вдруг и правда? На берегу, по дороге к рейдовому посту, Сагидулла толстыми губами приложился к твёрдому резиновому соску и богатырским духом наполнил жилет. Так он спас мне жизнь... А заодно и себе.

Не надуешь – не всплывёшь!

Каждый моряк должен уметь плавать!..

Черно-белый морской буксир «Грозный» низко и мощно сидит в воде, грозно ревет и пыхтит дизелями, неутомимо ползает по акватории, силпло кричит на погоду, бестолковых командиров и капитанов, толкает и подтягивает, равняет и правит, тянет за усы в море корабли и пассажирские суда, а иногда и подводные лодки⁶.

Работы у него невпроворот. Крепкие прокуренные моряки из гражданского порта неторопливы и снисходительны. К нам они относятся как к детям; да и в самом деле мы им годимся в сыновья.

Наше место обычно на корме. Там орёт громкая связь, визжит поворотный круг, на котором намотаны сотни метров стального крепчайшего троса, и мы, обросшие амуницией, со стальным инструментом в руках, в толстых шинелях и сапогах, сильно смахиваем на работников железнодорожной бригады, ковыряющих шпалы и рельсы. Работа тяжёлая и довольно опасная, но несложная: тяни, да посильнее, хватай свайку, крути гайку на скобах да пригибай пониже голову, чтобы не снесло звенящим, как высоковольтный провод, тросом.

Мы крутимся по акватории, постепенно подтягивая длинную цепь бонов к рейдовой бочке, чтобы закрепить на ней основной трос и ждать прохода кораблей. Первым на бочку высаживается Братарин. Он похож на чёрного жука с красной спиной. Следом иду я.

Ветер довольно свежий. По сизой январской воде идёт беспорядочная волна, крупные льдины лезут на обледенелые глыбы перемычки, крушатся и пускают по заливу толпу мелких кусков, похожих на пемзу из бани. Нас болтает, и чтобы не упасть, я по примеру Саги-

---

⁶ О подводных лодках. Однажды я до хрипоты спорил с майором морской авиации из Батуми и кап-три из Североморска, что подводные лодки не просто могли заходить, но и заходили в Донузлав. Они мне не верили: нет, говорят, Балаклава там не ночевала! Однако мне известно, что одна из ПЛ не только спокойно прошла через перемычку, но и умудрилась вмёрзнуть в лёд. Толщина ледового покрова доходила до метра. Вот и представьте, как её обкалывали специально вызванные ледокольные буксиры, чтобы вывести из Донузлава! И какой мат стоял в Ново-Озёрном, у оперативного дежурного в штабе ВМБ (сообщение Н. Сыскова из Мурманска).

дуллы откидываюсь почти вертикально, упираясь в узкие края рейдовой бочки. В центре пупом торчит негритянское кольцо, куда мы должны затащить конец троса и свайкой привинтить его к бочке⁷.

Нам не хватает сил. Мы упираемся изо всех сил, выбирая толстенный трос. Вот уже показалась скоба, ещё бы сантиметров двадцать! Но тут усердный татарин громко, на весь Донузлав пукает, и мы заваливаемся от смеха на спины, выпустив добрый метр.

– Ну ты и Гаргантюа! – кричу я ему сквозь ветер и перехлест волн.

– Сам такой, – ржёт весёлый татарин, и мы опять тянем проклятый трос.

В этот момент на буксире, видимо, решили, что вдвоём мы не справимся, и я услышал за спиной рёв дизеля. Накатила волна. Бочка встала дыбом.

– Плять, – кричит татарин, – Мысю высаживают! Щас он на голову нам сядет.

И правда, волны от работающего малым задним буксира пошли одна за другой; бочка плюхалась и болталась из стороны в сторону, но мы тянули сантиметр за сантиметром и дотащили трос до кольца. Мыся нам был уже не нужен, но он, проклятый, послушно прыгнул на наши спины.

Попал он удачно: одним сапогом заехал в ухо Братарину, и тот ключиком, без волны, канул в воду. Как сидел, довинчивая гайку, так и ушёл. Второй сапог скользнул по моей спине, нога подвернулась, и мимо меня прошуршало чёрное сукно – туда же, в глубину. Я ещё сохранял вертикальное положение, но кто-то огромный и страшный резко дёрнул меня за ногу, и я вспомнил, как в далёком туркменском прошлом в пять лет оказался на дне «лягушатника»: кругом зелено, водоросли колышутся, а потом цоп за волосы – и вверх, к солнцу. Старший брат вытащил.

Как муха на верёвочке

Холод ударил по лицу, хлынул в уши. Кажется, я закричал, потому что пошли пузыри. Дёргаясь и вырываясь из чьих-то объятий, я видел вверху бледный свет и беспорядочную игру волн. Через несколько секунд голова оказалась над водой. Я выплёвывал отвратительно-солёную воду изо рта. Из носа хлестала жидкость другой консистенции. Кто-то крепко держал меня за ногу чуть повыше колена. Я понял, что случилось: меня прижало кольцом троса к бочке и сдёрнуло вниз. Он обмотался вокруг ноги ровно настолько, что я по мере болтанки, как муха на верёвочке, то набирал воздуха, сколько мог, то опять погружался в зелёную ледяную кашу, а перед глазами философски проплывала обросшая всякой бессмертной живностью шершавая стенка рейдовой бочки.

---

⁷ Насколько я помню, на крейсере есть такая весёлая команда: «Боцман, шишку заводи!». Боцман сажается в шлюпку и тянет к рейдовой бочке конец стального троса с привязанным к нему лёгким пеньковым канатом и шишкой – она действительно похожа то ли на сосновую, то ли на ананас. Или на «Ф-1» размером с футбольный мяч...

Выйдя из воды в очередной раз, я дёргал ногой и хватался за край стального цилиндра. Но меня неумолимо тянуло вниз. Я цеплялся изо всех сил, с ужасом чувствуя, как по ледяной шершавой стали ползут насмерть застывшие руки, стираясь до крови. Ногти были содраны на нескольких пальцах. Кровь, как известно, почти одного состава с морской водой. Это было видно по тому, как она радостно разливалась вокруг и не думала сворачиваться. Шура-доктор потом рассказывал, что никак не мог понять, почему я, даже согревшись, сохранял смертельную бледность. «Наверное, с перепугу», – решил Шура.

Я отчаянно боролся, пока не увидел перед собой чью-то зверскую рожу. Это Сагидулла ныряет и смотрит под водой, жив я ещё или уже нет. Перед самым выходом он опять по своей национальной привычке побрился налысо. Голый череп с выпученными глазами, да ещё в десяти сантиметрах от тебя – это лихо!

Морской буксир МБ-160 (проект 773, первый послевоенный МБ, спроектированный в ЦКБ «Балтсудопроект»).

Водоизмещение: 890 т; длина – 47,3 м, ширина – 10,3 м, осадка – 4,14 м. Скорость хода максимальная: 13,2 узла. Дальность плавания: 8000 миль при 11 узлах, 6000 миль при 13 узлах. Экипаж: 31 чел. Мог работать во льдах толщиной до 30 см. Основная модификация этого судна – спасательный буксир (СБ) пр. 733С.

Фото А. Бричевского (<http://flot.sevastopol.info>).

Вынырываю. Хватаю воздух. Кричу татарину:

– Говорил я тебе, не стригись!

Синий, как тушка цыплёнка, стуча зубами, Братарин отвечает:

– А м-м-мне не х-холодно...

И всхлипывает:

– Я тумал, ты пропал...

Змейки солёной воды текут по его чёрно-синему лицу. По воде в сторону заката уплывают три чёрные шапки.

Погружаюсь. Дёргаю изо всех сил ногами, мучительно пытаюсь отвязаться от троса. Всплываю. Набрал воздуха, ныряю сам, пытаюсь разглядеть, что с ногой. Мне кажется, что её уже нет: она онемела, вокруг сапога расплывается тёмное облачко. Вынырываю.

– А где Мыся?! Утонул?! – ужаснулся я.

– Х... там!! – хладнокровно отвечает Братарин. – Уплыл на пуксир, мутак!

Тут я вспоминаю, что мы всё же надули жилеты. Значит, и я не утону.

– Давай так, – говорю Сагидулле, – я ныряю, а ты следи. Если что, тащи меня за волосы.

Ныряю. Жилет не даёт утонуть, но мешает поглубже заглянуть в воду. Дёргаю трос изо всех сил, качаю его змеиную голову. На моей ноге с одной стороны висят пятьдесят боновых

бочек, а с другой – стальной цилиндр диаметром два метра. Или это я повис между ними? Я представляю со стороны эту картину, и мне почему-то смешно. Сильный рывок вверх – я задумался, и Сагидулла спохватился.

– Ты резко-то не дёргай, а то скальп снимешь.

– Нищево, – стучит зубами татарин, – лысым даже лучше, как я будешь.

Ныряю. Дёргаю. Нулевой результат.

Буксир отошёл подальше, чтобы не задеть нас винтами. Мыся, как мы потом узнали, быстро доплыл туда, залез с левого борта и сразу же с удовольствием угостился стаканом водки. Закутался в плед и спокойно смотрел бортовой телевизор в красном уголке.

Вокруг нас ходит вся наличная на этот момент техника: рейдовый буксир с дивизионным минёром кап-три Дитятиным, вышедший на подмогу катер «Ярославец» под управлением невозмутимого глав-старшины Бойченко и какие-то штатские.

Дитятин непрерывно держит нас двоих в поле зрения: бегаёт вдоль борта, командует операцией и покрикивает издалека: «держишь, хлопцы!». Если мы пойдём ко дну, то по одной звезде не достанет на его мятых погонах.

Бойченко, стоявший на руле, придумал хитрый ход. «Ярославец» на самом малом подкрался к нам, едва не растерев Сагидуллу о бочку. Нам кинули конец, я обвязался, и молодой матрос Валько с Мыколой Галаганом из Тернополя вдвоём тянут меня вертикально вверх. Татарин упирается снизу. Срываюсь и падаю вниз, едва не утопив Братарина и поднимая волну. Хватаюсь за проклятую бочку, смотрю на запад. Гневное небо, накрытое бешеной тьмой, разметавнад самым закатом желто-красные тучи, смотрит сквозь огненную дыру прямо мне в глаза. Ветер усиливается. Меня опять тянет вниз. Под водой уже темно. Сколько мне осталось? Всего двадцать один год живу, Господи...

Прошло уже минут пятнадцать. Нас выручают три вещи: сапоги с грубыми дагестанскими джурабами, толстые водолазные свитера, глухой бронёй покрывающие грудь и спину, а главное – закалка, – я черноморец из Гудауты, Сагидулла с Волги. Но я чувствую, как ледяная вода проникает внутрь, вкрадчиво проползает то в одну щель, то в другую, а меня, как ни странно, беспокоит военный билет – намокнет! Надо было сдать его перед выходом. Воротник шинели начинает похрустывать: прихватило морозом. Уши и щеки задубели, губы едва ворочаются, волосы стоят дыбом, кожа съёжилась до боли.

Я мычу от бессилия. Каждый раз, когда накат опускает меня под воду, всё больший ужас охватывает изнутри. Вниз стараюсь не смотреть: там мутно-чёрная тьма, а в неё уходит, извиваясь, конец троса. Чем я ещё держусь?! Как сказал Гарсиа Лорка перед тем, как его дострелили в затылок: «Я ещё живой...».

С «Ярославца» что-то кричат, но я уже не понимаю слов. Галагана спустили на бочку, и Мыкола, свирепо матерясь, вяжет новый конец. Он относится ко мне с нежностью: по вечерам на камбузе я учу его играть на гитаре, а иногда мы на два голоса поем украинские песни – «Про зозулю», «Ой ти, вуйку сивий», а то и колядки про Христа, Царя Небесного.

Галаган бросает конец вниз. Меня осенило: надо подорвать снизу, а потом сдёрнуть кольцо троса с ноги. Брат вяжет узел. Придётся повисеть вниз головой, но авось да небось. Так мы и делаем. При откате волны меня тянут несколько человек. Из воды на несколько секунд показывается рванный сапог, из которого льётся тёмная жижа. Повис горизонтально, держась за бочку. Мат-перемат. Падаю. Пробуем ещё несколько раз, но я боюсь, что пукающий Сагидулла и свирепый Галаган со товарищи разорвут меня пополам.

Отчаянно ныряю вниз. Вижу, как постепенно, с подъёмом воды, трос даёт слабину. Обвившись эмбрионом вокруг ноги, каким-то невероятным усилием сдёргиваю трос, снимая последнюю кожу с рук, выныриваю, захлёбываюсь воздухом и водой, кашляю, и силы оставляют меня в ту же секунду. Из всех китайских отверстий тела льёт...

– Всё, – кричу (как мне кажется), – всё...

Спас. Жилет. Бог спас.

Галаган командует:

– Брат, толкай его снизу, а мы будем тянуть.

Почему-то расставив руки крестом, не в силах пошевелиться, я чувствую, как тяжелею на воздухе в несколько раз. Шинель покрылась заскорузлой коркой льда. Лежу на бочке, так же раскинув руки, и понемногу бую в воду водой же. Меня мутит. В голове гудит колокол, в глазах носятся огненные искры. «Ярославец» подошёл к бочке. Сбросили трап с деревянными балясинами, и по нему забрался на борт Сагидулла. Катер болтается возле нас. Сняли леера, чтобы можно было прыгнуть на корму. Но сил уже нет. Меня складывают наподобие снаряда, прицеливаются, и при хорошей волне, когда корма встала почти вровень с бочкой, кидают. Бойченко с двумя матросами ловят и тащат в тёплую рубку. Ноги волочатся по палубе. Галаган и его ребята прыгают на катер. Мне кажется, что отказали все члены и органы тела, одно только сердце колотится невыносимо. Теперь мне страшно. Галаган выгнал всех из рубки, задраил дверь и рвёт на мне жилет, сдирает шинель, свитер, режет сапог. Бедный Мыкола, он плачет от жалости. Индийское кино, а не Черноморский флот!

Спирт надо запивать горячим чаем

Катер подходит к борту малого противолодочного корабля. Перекидывают сходни, и это самый жуткий момент: я боюсь, что матросы, несущие меня за ноги и за руки, снова уронят вниз! Я кричу:

– Вода! Вода!!

Но они, оказывается, не слышат – из глотки выходит слабый сип.

Тащат в каюту командира, тесную, с круглым плафоном на подволоке. По преданию, один из матросов спёриспрятал двалитра спирта на корабле, и недостача была обнаружена. Как его ни пытали, как ни обшаривали кубрики и машину – не могут найти! Через сутки, ободрённый обещанием командира не наказывать, матрос молча пришёл к нему в каюту и ткнул в плафон, до отказа наполненный огненной водой.

Лежу на узком диване. Трясусь неудержимо. Возникает лицо Шуры-доктора. Он молча заглядывает за чем-то в рот, закладывает туда палец, обмотанный носовым платком, вынимает, ухмыляется и командует:

– Чай заварить! Мёду полстакана! Спирт!

Кап-лей отговаривается: откуда спирт, весь вышел. Шура смотрит на него в упор и говорит:

– Вы хотите, чтобы он у вас на борту загнулся, раз в море не утонул?

Шура – сын полковника КГБ, работал зав. отделением больницы в Запорожье и умеет строить фразы.

Кап-лей уходит.

Шура достаёт шприцы. Я трясусь всем телом непрерывно и не могу расслабить ни один мускул. Кричу:

– Красный, держи! Красный, держи!

Что бы это значило?! Заклинание спасжилета?

С меня содрали разрезанную Галаганом голландку, надели новый тельник, и за это время Шура успел поставить три укола. Каждый раз я вздрагиваю.

– Ага, – победно кричит доктор, – боишься уколов! Значит, будешь жить.

Кап-лей приносит спирт. Шура требует пустую кружку, в другую наливает раскалённого чаю с мёдом. Протягивает мне:

– Давай вот это залпом, а этим запьёшь!

В кружке не меньше двухсот граммов спирта. Я пью его второй раз в жизни, но сейчас даже не замечаю вкуса и крепости. А вот чаем обжёгся и задохнулся. Кружка скачет в руках, Шура придерживает голову и приговаривает:

- Пей, Садат, теперь долго жить будешь.
  - А где Брат?
  - Ха, Брат, – веселится Шура, – спит давно!
  - Как спит? А сколько же времени?
  - Полдевятого.
- Оказывается, прошло уже почти полсуток.

Малый противолодочный корабль «Комсомолец Грузии» (МПК-127, проект 1124).

Водоизмещение: 1070 т. Длина – 71,2 м, ширина – 10,15 м, осадка – 3,72 м. Скорость хода максимальная: 32 узла. Дальность плавания – 2750 миль при 14 узлах. Экипаж – 89 человек. Вооружение: 1 × 2 57-мм артиллерийская установка АК-725 (боекомплект 500 снарядов), 1 × 6 30-мм артиллерийская установка АК-630М (боекомплект 2000 снарядов), 1 × 2 ЗРК «Оса-М» (20 ракет 9М-33), 2 × 2 533-мм торпедных аппарата, 2 × 12 реактивных бомбомета РБУ-6000, 12 глубинных бомб или 18 мин.

Был выведен из состава флота ЧФ России в 2005 году, в том же году разобран на металл в Инкермане.

Фото В. Костриченко (<http://flot.sevastopol.info>).

Минут через десять я начинаю согреваться. Приходят и уходят какие-то офицеры, даже, кажется, комбриг Аббасов, по званию и должности старший на нашей второй площадке. Они разговаривают с Шурой, озабоченно смотрят на меня, но лица расплываются под плафоном, кружится голова. Стучит движок. Тепло. Зеваю. Кто-то громко замечает:

- Э-э-э, да его развозит! Давайте отправлять.

Тело ватное. Кровь из повязок на руках и ноге больше не течёт. Я заваливаюсь набок при попытке встать. Идти неохота.

На причале в свете прожекторов ждёт зелёный «Зил-130». За рулём почему-то мичман. Я с трудом забираюсь на сиденье, от двери подпирает доктор Шура.

– Поехали! – кричит он. – В космосе первый советский человек Юрий Гагарин. Обмороженный.

Диссиденты

Шура, милый друг, верный и крепкий!

Фельдшер медсанчасти старшина второй статьи Александр Зиновьевич Басаврюк – личность замечательная. Он родился в Мордовии, в лагере для политических. Однако не думайте, что его бедная мама пострадала от репрессий и была арестована в интересном положении. Как раз наоборот. Мама тогда работала заместителем начальника лагеря в звании майора, а потом, естественно, дошла и до полковника КГБ. Шуру учили наукам сидельцы, профессора и доценты, и к четырнадцати годам он прошёл полный курс школы, сдал экстерном экзамены и в неполные пятнадцать стал студентом мединститута. В двадцать шесть Александра Басаврюка стали звать по отчеству подчинённые вверенного ему детского отделения гор-больницы. Не успев или не пожелав жениться и нарожать детей, да ещё и поссорившись с матерью незадолго до полной и окончательной отсрочки от службы, он загремел на флот. В те времена люди с высшим образованием или офицерили, или служили в рядовом составе полтора года. Шура выбрал второе. Ярый и наглый антисоветчик, наглотаившийся отравы в лагерях, он попал, конечно, в Донузлав и плотно сидит под колпаком особистов, охраняющих устои государства в двух кабинетах через стенку от его санчасти.

У него феноменальная память: часами читает вслух любого из названных тобой поэтов мира. Наш общий любимец – Федерико Гарсиа Лорка. Мы нашли в библиотеке роскошный двухтомник с иллюстрациями автора и перечитываем без конца. Я пишу романсеро и песни на его стихи и ещё не знаю, как был прав Василий Кислов из ростовской «Вечерки», задумчиво сказав мне, семнадцатилетнему: «Как вы похожи на Лорку!» – Цыган был настоящим бардом, писал и пел песни, бродяжничал и вольнодумствовал. Фиштейн рисует карандашом портреты личного состава и даже умудряется иногда продавать их деревенским парням для украшения дембельских альбомов вольной графикой. Эдакий салон изящных искусств посреди ржавых кораблей и диких матросов!

А кругом море, степь, плоские песчаные берега, буйные снега зимой и сочные тюльпаны по весне. Я чувствую себя – не могу удержаться – Овидием Назоном, летучие латинские стихи которого буду потом читать наизусть в университете.

От нечего делать я зимой напросился дежурить на коммутаторе. Мой позывной – «Палубник». Работа обезьянья: сиди себе с гарнитурой на голове, вынимай да втыкай стальные штыри на пружинах в нужные гнезда. Попутно я иногда слушаю разговоры, отчасти для того, чтобы побыстрее разгрузить линию в часы пик, отчасти из ленивого любопытства, собираю материал для будущих книг. Справа на передней панели есть тумблер отключения микрофона, и тогда слушаешь анонимно. Я им не пользовался, но вскоре он мне пригодился.

В наш лазарет привезли старшину второй статьи из Ново-Озёрного, буйного Женю Китоврасова, коренного липецкого русака. Его после глобальной пьянки повязали в посёлке и везли на губу. Он сидел-сидел в «газоне», потом что-то щёлкнуло у него в туманной голове, и он решил выйти. И вышел – на скорости шестьдесят прямо на вечерний асфальт. Результаты, как говорится, не только на лице, но и на прочих площадях: правая рука сломана в двух местах, на бедре громадный сине-зелёный ушиб, от задницы тянется к ступне широкая сеть кровавых царапин, а собственно обличье представляет собой распухшую грушу, из

которой выглядывают весёлые неунывающие глаза. К тому же из-за ссадин ему разрешили не бриться, и выглядит он пиратом Средиземноморья после битвы с похмелья.

Женя – заядлый рокер. Дешёвая шиховская гитара, сухая и звонкая, лежит у него прямо под койкой, и он, приходя с процедур, заваливается на спину, достаёт, не глядя, инструмент и запекает:

Ин зы таун,
вэр ай воз боон
лывд э мэ-э-н
ху сэйлд зы си

Произношение у него довольно приличное: успел закончить английскую спецшколу, поступил в московский ИНЯЗ, но что-то натворил, и его вышибли прямо с первого курса. Отец, партийный босс, от греха подальше сдал его на флот: пусть, мол, наберётся ума-разума да худую-бедную специальность получит. Он и получил: шифровальщик-дешифровщик радиоразведки! То-то она ему на гражданке пригодится!

Любовь к року в таких местах незамеченной не проходит. Сижу как-то раз, лениво перetyкаю шнуры, и тут на связь из Ново-Озёрного выходит опер особого отдела капитан Бугримович. Вежливо так просит соединить со своим коллегой, майором Трофимовым. Тот сидит как раз через стену от лазарета, и надо думать, звуки битловских песен ему хорошо знакомы.

Я, хоть и боялся, но что-то почуял и решил прослушать.

– Как дела у моря, Семёныч? – начал Бугримович.

– Вашими молитвами! – невозмутимо отвечает Трофимов.

– Ну-ну, – говорит капитан, у которого положение выше, чем у майора, – ты мне религиозную пропаганду не разводи! Как там мой протеже?

– Кит, что ли? Нормально, зализывает раны. Мы ему помогаем, так что вскорости можно использовать для военных целей.

– Это хорошо... – задумчиво произносит Бугримович. – Ты вот что... Песни поёт?

– А куда он денется? Поёт, конечно. Целыми днями только и слышно, брень да брень.

– Так. Ты его, главное, не спугни! Значит, задание такое: у него, по нашим данным, собран богатый материал по рок-музыке, и он даже какую-то статью написал! Читал её тут своим бабам на посёлке, Казанова хренов. Материалы в основном с Би-би-си да со «Свободы». Уразумел?

– Грамотные мы, барин.

– Вот то-то. Скорее всего тетрадь эта у него в тумбочке, так что на днях я подъеду, как освобожусь, и мы с тобой его, голубчика, тёпленького возьмём. А там посмотрим, кто громче петь будет. Накроем осиное гнездо западного разврата!

– Добро! – морским словечком бодро отвечает пехотный майор в морской форме пехотному же капитану. – Накроем!

– Ну все, до связи!

Трубки замолчали. Я выждал ещё пару минут, чтобы особисты не вздумали проверить, слушают их или нет, и вытащил шнуры. Признаться, мне стало не по себе. Сердце меня не обмануло: Женю ждут не просто крупные неприятности, а вполне конкретные сроки за антисоветчину. С другой стороны, если я побегу предупредить, то рискую сам нарваться: откуда это он узнал? Через несколько секунд мне стало стыдно, и я успокоился.

После отбоя по привычке я пришёл в лазарет. Шура заваривал кофе. Мощная «Спи-дола» уже урчала голосом ведущего «Радио Свобода». Над морем приём шёл гораздо лучше, чем в городах Союза, где глушилки забивали «голоса» до полусмерти.

Сегодня передавали финал «Мастера и Маргариты», точнее те фрагменты, что не вошли в публикацию журнала «Москва». Мы слушали взахлёб. Дошли до лунной полосы, и тут я говорю Жене:

– Старик, за тобой завтра-послезавтра придут!

Женя почти не удивился. Только спросил:

– Кто именно?

Я молча ткнул в стену слева.

– А-а-а, – протянул Женя, – это мы давно догадываемся...

– И что будешь делать?

– Ты лучше скажи, откуда узнал?

Доктора в этот момент не было, ушёл в галльюн, и я тихо ответил:

– Прослушал на коммутаторе...

– Ни хрена ты даёшь! А если бы...

– Что «если бы»?! – завёлся я с пол-оборота. – Ты о себе давай думай! Хрена ли мне бояться? Меня уж сто раз и убивали, и сажали, и бить пытались. О себе думай, сукин кот, и тетрадь свою сожги. Они же тебя за твою рок-музыку с говном съедят! Короче говоря, я тебя предупредил, и смотри не сгори.

Женя закурил. Это не было принято в лазарете, но я промолчал: обстановка была нервная. Потом принёс тетрадь, и мы, горестно вздыхая, принялись рвать её на куски и жечь в докторской никелированной печке.

Женю пытались посадить, но поскольку вещдоков не было (перерыли все тумбочки в километре вокруг!), то, пригрозив карами – если что – отстали.

Через двенадцать лет Женя станет одним из первых кооператоров Липецка.

Донузлавский морской клуб на ул. Кантора (бывшая Морская), 1979 год.

Фото: GEO848 (<http://www.westcrimea.info>).

Циркуль Фиштейна

Матрос-первогодок Игорь Абрамович Фиштейн был горбонос, худощав и умен. Иду как-то с пляжа, отсмотрев и записав очередной закат на акварельную бумагу, смотрю –

мужики животину мучат. Белая крейсерская роба на избиваемом матросе была особенно эффектна вечером – слегка фосфоресцирует в темноте. Годки обступили Фиштейна, тычут кулаками в живот, дёргают презрительно за гюйс, обрывают пуговицы.

– Отставить! – говорю. – В чем дело?

Меня не столько боялись, сколько уважали за буйный нрав и прямое подчинение командиру. А ещё за знаменитую драку с морпехами. Расступились, глядят волками.

– Кто такой, – спрашиваю у салаги, – с крейсера, что ли?

– С «Ушакова», БЧ-раз. – Губы дрожат, но в глазах горит огонь.

– Откуда родом?

– Из Ростова-на-Дону.

Это мне понравилось. Обычно донские казаки прикидывались ростовчанами, чтобы выжить – урки в армии и на флоте пользовались особым расположением. Но пейзажу прокаливались на фразе «я с Ростова». А расспросишь – живёт в Семикаракорске, а то и на хуторе Пузыревка.

– А ты где в Ростове жил?

– На Западном, на Стачке.

– Зема, – заорал я, – земля!

Это был первый настоящий ростовчанин за все четыре года!

– Так, – говорю, – отвалить от борта, это мой корефан, беру его под своё крыло!

Отец Игоря был ни много ни мало директором Ростовского междугородного предприятия: пассажирские перевозки по области, Северному Кавказу и прилегающим областям Украины и России. Но, на беду сыну, Абрам Львович во время Отечественной войны командовал танковой ротой, ходил в разведку, и довольно резонно считал, что если он сам не погиб на Курской дуге, то его сыну ничего не грозит в мирное время. Недоросль Фиштейн из-за собственной лени не закончил индустриальный техникум, куда он приезжал на собственных «Жигулях», и отправился напрямик на «апельсиновый флот».

Из флотского экипажа он попал в учебку на крейсер «Ушаков» – кто там бывал, знает, что это такое, сгущать краски не буду. Например, белая парусиновая роба – удивительное изобретение русского гения! Кругом сталь, медь, мазут, снаряды, погрузка-разгрузка, продукты на камбузе, масло под пайолами, но к утру чтобы всё было чистое и белое.

Какой там стиральный порошок! Сыплешь комковатый фосфат натрия из коробки, погружаешь в раствор, роба шипит, покрывается пеной, и остаётся только ждать, когда высохнет. Не успеет – будешь ходить в мокром. Гюйс должен быть не просто чистым, но и выглаженным. Когда – не колышет!

Отбарабанив полгода, Игорь приехал в Донузлав, поболтался на тральщике, был отмечен как прилежный рисовальщик и списан на берег, в штаб бригады. Отдельная комната с видом на море, чертёжные приборы, тушь, гуашь, и... Циркуль!

Так мы назвали котёнка, найденного ранней весной на пустом плацу поздно вечером. Как он туда попал, будучи не более месяца от роду, – непонятно. Маленький пушистый зверь серой мурочной масти с огромными мохнатыми ушами, длинными белыми усищами и непропорционально большой головой. Ходил он как-то боком, хвост постоянно торчал кверху, и нрав был у нашего Циркуля непростой. Отъевшись и освоившись в чертёжной, котёнок рос на глазах, играл бумажками и шкертиками, а однажды даже попытался поймать одну из шнырявших по углам крыс и едва не был съеден. Мы выручили его из беды в последнюю минуту. Долго гладить себя Циркуль не давал: шипел и кусался, хотя и вполсилы. На коленях сидел ровно столько, сколько емухотелось. Однако мы любили и такую скотину – всё-таки живое тепло! Матросы носили ему кусочки мяса с камбуза, и хотя вход в чертёжную был строго запрещён, Фиштейн позволял несколько минут посидеть и поиграть с котом.

Через два месяца котёнок превратился в хорошо сложенного, довольно крупного кошака. При ходьбе по спине перекачивались упругие мускулы, грудь выпирала вперёд, лапы были толстые и мощные. И вот Фиштейну пришла в голову фантазия прогуливать шкодливого и упрямого Циркуля по берегу: меньше будет дурной энергии, объяснял Игорь Абрамович. Как на грех, до этого Циркуль никуда из комнаты не выходил, даже в длинный коридор.

Мы положили его в противогазную сумку и понесли к морю. Был тёплый вечер. Мы перелезли через забор, открыли сумку и выпустили Циркуля на волю. Прямо перед ним плескалось Чёрное море. На песчаном пляже дрожали ветвями высокие кусты ольховника. С моря дул свежий ветер. Циркуль замер, шерсть на горбатой спине встала дыбом, уши легли вдоль туловища. Издав дикий вопль, кот подпрыгнул и пропал!

Через полчаса мы с трудом разыскали его в ольховнике. В руки кот не давался, выл, царапался и орал, не переставая. Пришлось накрыть его сумкой, сквозь брезент запихать внутрь и отнести в чертёжную. Там он, казалось, успокоился, даже пытался попить из блюдечка, но, увидев своё отражение в зеркале, взвыл и начал носиться по комнате, сшибая всё на своём горьком пути. Мы ничего не могли понять. Послали за Шурой-доктором. Басаврюк пришёл, дымя сигаретой и щуря левый глаз. Схватил пробежавшего мимо Циркуля. Кот неожиданно успокоился и, мелко дрожа, прижался к Шуре. Зрачки у Циркуля занимали всю площадь глазниц. Шура посмотрел ему в глаза, выпустил на пол. Мы рассказали, как было дело.

– Эх вы, – печально сказал Басаврюк, – угробили кота!

– Как это угробили?

– Вы что, не видите, что он с ума сошёл? Всё, труба, крыша поехала.

Мы не могли поверить. Шура объяснил, что просидевший два месяца в маленькой комнате кот считал мир существующим только в видимом ему объёме. Попав на огромный плоский берег, увидев ревущее море, Циркуль от страха сошёл с ума. Очень просто.

Шура забрал его в санчасть. Через час мы хоронили усыпленного кота на том же берегу. Фиштейн, растивший Циркуля с младых ногтей, был потрясён. Огладив холмик песка руками, он поднялся с колен, закрыл лицо руками и пошёл прочь. Мы его не останавливали.

Лазаретная любовь

В лазарете хорошо. Спишь, сколько сможешь, кормят по-флотски, вкусно и много. Всё заживает на мне как на собаке, только непрерывно ноют обмороженные уши и руки. Пальцы греют в парафиновых ванночках. Кожа с головы в некоторых местах слезла.

Медсестра Юля красива, как Венера Боттичелли. По вечерам я прихожу к ней в процедурную, сажусь за стеклянный столик, укладываю покрасивее на груди раненые руки. Она смотрит прямо мне в глаза, медленно-медленно улыбается, до того, что я краснею и чувствую, как сердце обрывается и неровно прыгает в груди. Во рту сухо, как в пустыне Такла-Макан. Она наливает мне чаю в белую керамическую чашку, наклоняясь над столиком, и в декольте белого халата, туго обтянувшего талию и бедра, я вижу две полных нежных груди в белых кружевных чашечках, обнажённые почти до самых сосков. Я не могу оторвать глаз, почти парализованный этим зрелищем, а она опять усмехается, не торопясь одёргивает халат и грудным крещендо произносит:

– Ну-у-у, что же мы молчим? Расскажи ещё что-нибудь, ты же у нас артист.

– О чём? – глупо переспрашиваю я. – Уже вроде всё рассказал.

– О девочках. У тебя есть кто-нибудь? – И усмехается проницательно. – А? Ну что же ты молчишь, мне скучно! Уйду сейчас, и сиди себе в палате.

– Нет у меня никого. – И неожиданно добавляю: – Кроме тебя. Юля машет на меня смуглой рукой, рассыпая из ложечки глюкозу.

Мы её добавляем в чай вместо сахара. Она неудержимо смеётся, встаёт, подходит ко мне, обнимает, гладит по голове, прижимает к своей небесной груди, целует в лоб и щеки, и я от счастья говорю ей прямо в горячие губы:

– Юля, я тебя люблю больше всего на свете, ты моя царевна-Лебедь! Выходи за меня замуж, душа моя!

Она вздрагивает и выпускает меня из объятий:

– Эх ты, всё испортил! Дур-рак ты! Ну ты и дура-ак...

– Почему, Юля, что случилось? Что я не так сказал?

– Отстань от меня! – Она вспыхивает, ходит по процедурной, захлопывает раскрытый журнал назначений, закрывает распахнутую дверцу стеклянного шкафа, подходит к чайнику и машинально включает его в сеть. – Тоже мне, жених. Ты на себя-то посмотри, зелень подкильная!

– Ну извини меня, я не то сказал, наверное. Извини, душа моя. – Я притягиваю её к себе и прижимаюсь щекой к тёплому упругому животу.

Она постепенно смягчается. Садится опять за стол напротив меня, ласково похлопывает по колену:

– Дурачок ты, молодой ещё.

Ей двадцать восемь, и в Ново-Озёрном она не даёт никому. Она приехала из Красноярска – и что делает в этом Богом забытом месте – никто не знает. Она невероятно красива и по-своему, по-женски, умна. Фигура у Юли крупная, но лёгкая, талия тонкая при полных индийских бёдрах, зубы сияют, хотя и несколько великоваты, ручки маленькие и нежные (именно ручки, как уцарицы, «цалом ронцы пани»); Юля Мрачковская – наполовину полька). Смеётся она так, что рядом вырастают цветы. Когда я читаю стихи, она закрывает глаза и почему-то гуляет по губам розовым языком, словно дразнит меня. Это о ней писал гений:

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела – что котёнок у печки,
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Через минуту мы обнимаем друг друга и успокоенно смыкаем уста. У меня кружится голова, в закрытых глазах плавают фиолетовые облака, в руках тёплая дрожь и волшебные Юлины груди... Раздаётся оглушительный хлопок.

Я, как при выстреле, кидаюсь по привычке на пол, прикрывая Юлю своим телом. Она, лёжа на спине, изумлённо оглядывается по сторонам.

– Так твою так, – кричит Юля, – казённый чайник спалили!

И ослепительно, поцелуйно смеётся.

Сквозь крашенный суриком пол прорастают тюльпаны.

Приказ по Крымской ВМБ:
«В/ч 92784.

Поселок Ново-Озёрный.
14 января 197... года.

13 января с.г. при выполнении поставленной учебно-боевой задачи по открытию боносетевого заграждения на внешнем рейде Донузлава произошло ЧП, в результате которого марсовые БСП старший матрос Михайлов, матросы Гарифуллин и Саламов оказались в воде.

Матрос Саламов в результате неправильных действий экипажа буксира «Грозный», приписанного к порту Поповка, в течение двадцати шести минут находился в состоянии нулевой плавучести, получив обморожение и травмы средней тяжести. Старший матрос Михайлов был извлечён из воды экипажем буксира «Грозный». Матрос Гарифуллин, проявив стойкость и мужество, совершил все необходимые действия для спасения своего товарища.

В связи со всем вышеизложенным приказываю:

1. За допущенную халатность и несоблюдение правил безопасного поведения на воде при осуществлении разведения боносетевого заграждения объявить дивизионному минёру в/ч 92637 капитану третьего ранга Дитятину В. Ф. выговор.

2. За проявленные стойкость и мужество при осуществлении спасательной операции объявить матросу Гарифуллину краткосрочный отпуск сроком на десять суток, не считая дороги, с выездом на родину.

3. Приказ зачитать во всех соединениях, частях и подразделениях Крымской ВМБ. Командир воинской части 92784 (подпись) контр-адмирал Крылов».

Я перечитал приказ, полученный стармосом Земляником из канцелярии, бросил его на стол и озадаченно спросил:

– Отпуск? А мне?

– А у тебя рука в говне, – опрометчиво съязвил Земляника.

Через секунду он вытирал кровь из разбитого носа и, отскочив в угол, грозил оттуда гауптвахтой и дисбатом. Я плюнул на палубу и вышел на берег.

БДК «Иван Рогов» – головной корабль проекта 1174 «Носорог» (по кодификации НАТО – Ivan Rogov class).

Водоизмещение (полное) 14060 т; длина 157,5 м; ширина – 23,8 м; осадка – 6,7 м. Скорость хода – 20 узлов, дальность плавания – 7500 миль на 14,5 узлах. Мог нести один батальон пехоты, 53 танка или 80 бронетранспортеров, 25 танков с плавсредствами. Вооружение: 1×2 ПУ ЗРК «Оса-М» – 20 ракет 4К33; 2×4 ЗРК «Стрела-3М»; 4×6 30 мм АК-630 (16000 сн.); 1×2 76 мм АК-726 (1000 сн.); СЗО «Град-М» (320 ракет); 4 вертолёта Ка-27 или Ка-29.

По своим возможностям БДК проекта 1174 сопоставимы с универсальными десантными кораблями типа «Мистраль», которые Россия закупает во Франции. «Иван Рогов» был порезан на металл в 1996 году.

Над морем висело холодное оранжевое солнце. Шторм окатывал берега победоносным прибоем. Ветер выл в обледенелых снастях и телеграфных проводах, трещал пожелтой прошлогодней травой, торчащей из-под колючего снега, раскачивал массивные ворота с красными звёздами и якорями на КПП. Ворота противно скрипели.

– Ах ты, так твою так, – беспомощно выговорил я, стараясь не разреветься, – когда же это кончится?

Долго ль мне бродить по свету,
то в карете, то пешком?

Я вдыхал солёный влажный воздух, до обморока задерживал дыхание и постепенно успокаивался. Господи, четыре года я ем казённые харчи – а чего ради, неизвестно! Строгие зенитные ракеты С-200 с красными дюзами маршевых двигателей в раскалённом Египте; пузатый БДК «Иван Рогов», набитый морскими пехотинцами, озверевшими от безделья, ангольской духоты и червивой муки; плоские плавающие танки-гробы, ревушие корабли на воздушной подушке, неуклюжие гидросамолёты, роняющие потоки воды на акваторию; бухты и гавани Севастополя, набитые кораблями и личным составом сверх всяких мыслимых норм; тучи американских самолётов и вертолётов над нашими мачтами в открытом море; насмешливые морды негров, показывающих из открытых десантных люков лукавую порнуху и даже бросающих нам, дуракам, великолепные журналы, исчезающие в недрах котельных отделений вопреки всем усилиям замполитов...

Зачем всё это, зачем?! Мне бы уже МГУ пора заканчивать или в Киевской консерватории оперному вокалу учиться, а я...

И потекли в моей грустной голове медленные строки:

Северный берег Крыма

Здесь, по-моему, и не весна, а так...

Север Крыма – земля, не земля – известняк.

Холода, холода...

Посинела от холода в море вода,

и дрожит мелкой рябью,
гусиной кожицей волн,
будто море не тёплое рыбокрабье,
а в поле голодном замёрзший вол.

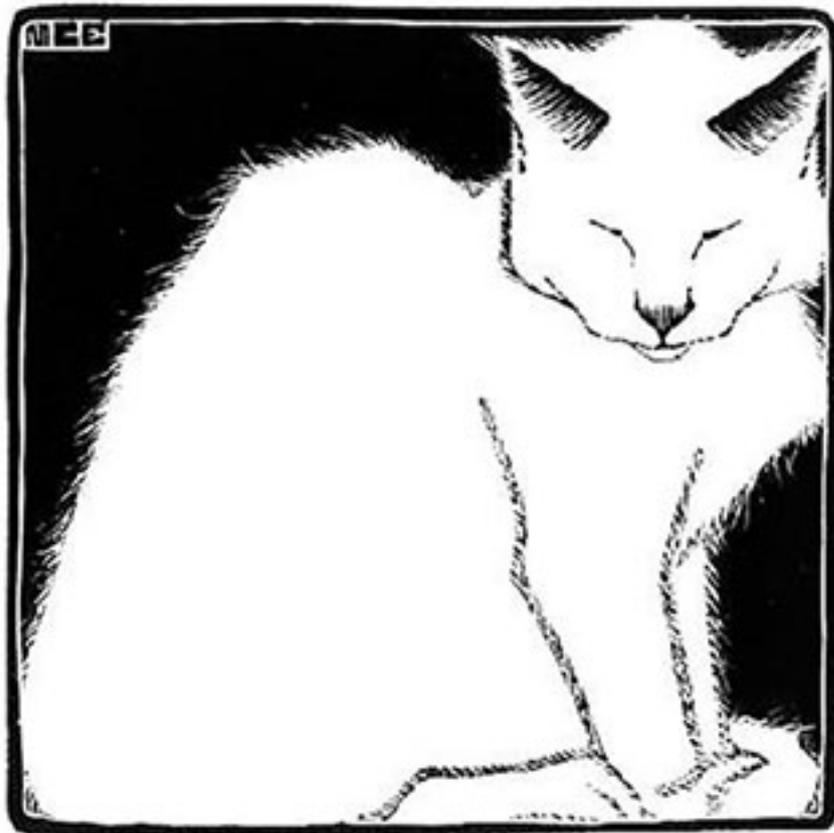
Южный берег шиньоном субтропиков
прикрывает лысину Севера:
горы, зелень, парады матросиков,
а сунься на Северный – безлюдно, беззверев.

Обманули меня с этим Крымом, раем земным!
Крым – старуха с кокетливым гримом;
ну старухе ещё поцелуешь руки,
а грим – поди лобызайся с ним!

По ночам неожиданно красная
из-за маленьких гор большая луна,
как фальшивой медали грязная
оборотная сторона.

*Донузлав – Ростов-на-Дону – Тюмень.
1981–1998*

Рассказки и были

М. Эшер. Белый кот, 1918.

Гудаутские перепёлки

*«Как птицу учует, так становится как мёртвый...
Ещё у Льва Николаевича Толстого был белый сеттер».*
(О собаке из фильма «Белый Бим, чёрное ухо»)

Никита Хрущёв имел четыре класса образования, что не помешало ему стать главой советской империи. В туркменском гарнизоне мы, малолетки, распевали песню: «Хрущ, Хрущ, Хрущ, полна ... груш». За что наши отцы-командиры объясняли всю неприличность подобного поведения с помощью рукоприкладства. Правда, весьма скромного.

Вальтер Ульбрихт, глава Германской Демократической Республики, якобы дружественной нам после Великой Отечественной Войны, имел более достойное образование, чем великий государь земли советской. Но так же, как и Хрущёв, Ульбрихт полжизни провёл на партийной работе. С 1953 по 1971 он был первым секретарём СЕПГ⁸, то есть главой правящей партии Германии. И, кстати, соратником Эрнста Тельмана, одного из когорты коминтерновской державы, рассчитывавшей покорить весь мир.

Приступим к главной теме. Как же я познакомился с тем и с другим?

У нашего соседа, здорового дядьки, лётчика-истребителя Белова, была великолепная охотница на перепёлок, шотландский сеттер по кличке Дэзи. Белов на ночь почему-то запирали Дэзи в гараже, а мы со старшим братом потихоньку выходили из нашего дома, отпирали несложный замок и выводили охотницу во двор. Она виляла хвостом, прыгала от радости, облизывала нас красным языком, а мы шли почти два километра до штаба истребительно-авиационного полка на перепелиное поле. Там росла трава, от которой на голых ногах оставалась какая-то мерзкая смазка, что-то вроде солидола. Но, как говорили классики, охота пуше неволи. Мы бродили в полной темноте в густейшей траве, а Дэзи выискивала

---

⁸ Сегодня никто уже не помнит эту аббревиатуру: Социалистическая Единая Партия Германии.

пернатых. В дополнение к тому у нас был фонарик, от которого птицы впадали в полный столбняк.

В Гудаутском полку до сих пор стоит потрясающий аэродром с длиной ВВП, если не ошибаюсь, три с половиной километра. Этот аэродром мог принять любой тип летательных аппаратов. За него воевали в начале девяностых грузины, чтобы захватить не только сам гарнизон, но и хранилище ядерных боеприпасов, находившееся в горах. Офицеры рассказывали, что во время боестолкновений у них едва ли не плавилась стволы автоматов и ручных пулемётов. Но в середине шестидесятых никто не мог даже предположить, что до конца империи осталось не очень много лет. По моим сведениям, благодаря усилиям нашего доблестного правительства на одной из лучших в мире военных баз осталось около шестисот человек.

Но вернёмся к предмету разговора.

В конце ВВП располагался так называемый «Дельфинарий», или «Стекляшка», место увеселений офицеров. Сидим мы, дети военных, на галечном пляже, под самым подлётом истребителей, и держим воздушный удар самолётов, летящих на посадку со скоростью триста километров в час, и погружаемся в морскую воду на спор до самого упора: кто дольше выдержит? И, в очередной раз вынырнув из-под воды, под звуки замполитской радиостанции с бессмертными советскими песнями типа «Орлята учатся летать», бегаем неутомимо возле прибрежного шоссе. И видим, как я сейчас понимаю, «Мерседесы» традиционного цвета. Мы начали махать руками, оттуда величественно ответили. Спереди и сзади ехало несколько машин охраны. Замполит объяснил нам, что прилетели Хрущёв и Вальтер Ульбрихт.

Такова была первая встреча.

Никита Хрущёв (слева) и Вальтер Ульбрихт. Bundesarchiv. Bild 183-B0115-0010-082. Foto: Schaar, Helmut l 15. Januar 1963.

Ночью мы с братом вновь отправились за сеттером. Дэзи начала выть издалека, почуяв близкую охоту. Достали собаку из гаража. Пошли через чайные плантации; малышка Дэзи бежала впереди, почти невидимая в абхазской мгле. Перед перепелиным полем она внезапно застыла, задрав правую переднюю лапу, и заскулила, будто ощущая беду, потом рванулась так, что мы едва успели отцепить поводок. Мы шли, не замечая ничего, охваченные азартом первобытного охотника, приносящего в дом добычу. На пирсе мы постоянно ловили смариду и ставриду, скумбрию или больших каменных бычков. Опыт был. На веранде после наших походов долго стоял аромат подсолнечного масла. Мама нами гордилась.

Дэзи в эту ночь словно чувствовала наш азарт, переходящий в инстинктивное следопытское рвение к поиску добычи. Мы почти бесшумно зашли в заросли, измазались травяной чернью, поскольку были в трико, закатанных под колена, и стали светить фонариком. Дэзи гоняла птиц, и в нашем сидоре, то есть брезентовом вещмешке, уже лежало четыре полупридушенных перепёлки. Пятую она успела загрызть, и пришлось её выбросить.

И тут поднимаются из зарослей здоровенные жлобы и молча начинают нас валить на землю, светя прямо в глаза фонариками несколько помощнее нашего. Мы не успели опомниться, как следом, пыхтя, отдуваясь и отрывивая, выполз довольно упитанный пузатый мужчина с ружьём наперевес и заорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.